

ЭНЕРГИЯ

ТРАНСФОРМАЦИИ СИЛЫ, МЕТАМОРФОЗЫ ПОНЯТИЯ

**Коллектив авторов
Юрий Мурашов
Сюзанна Штретлинг
Илья Калинин**

**Энергия. Трансформации
силы, метаморфозы понятия**
Серия «Интеллектуальная история»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67701489

*Энергия: трансформации силы, метаморфозы понятия.: Новое
литературное обозрение; Москва; 2022
ISBN 9785444820216*

Аннотация

В наше время едва ли найдется сфера знаний, которая бы не использовала понятие «энергия». Из сферы физического, технологического и (био)химического знания «энергия» проникла как в смежные области, вроде медицины или экологии, так и в области, казалось бы, далекие от естественнонаучных, – богословие и психоанализ, эстетику и лингвистику, социологию и политический дискурс. В процессе перевода с одних научных языков на другие это понятие претерпело многочисленные смысловые сдвиги и переносы, превратившие его в семантически насыщенный

символ, с которым связывают фундаментальные политические, экологические и культурные процессы современности. Реконструкции причудливых траекторий миграций этого понятия, а также стоящего за ним феномена, и посвящен сборник, включивший работы британских, израильских, немецких, российских и швейцарских исследователей.

Содержание

Илья Калинин, Юрий Мурашов, Сюзанна Штретлинг	5
РАЗДЕЛ 1	34
Макс Яммер 35	34
Гюнтер Гёдде	56
Габриела Брандштеттер	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Энергия: трансформации силы, метаморфозы понятия

*Илья Калинин, Юрий Мурашов,
Сюзанна Штретлинг*

Энергия: философия, технология, искусство. Предисловие

В наше время едва ли найдется дискурс, который бы не оперировал понятием «энергия». Из сферы физическо-го, технологического и (био)химического знания «энергия» проникла как в смежные области, вроде медицины или экологии, так и в области, казалось бы, далекие от естествен-но-научных, — например, социальную и культурную исто-рию, теологию и психоанализ, эстетику и лингвистику. В процессе дискурсивных миграций этого понятия возникли многочисленные метафорические хитросплетения, превра-тившие его в семантически насыщенный символ, с которым связывают решающие социально-политические, экологиче-

ские и культурные сдвиги¹.

Таким образом, становится возможен разговор о физических, равно как о психических, социальных или семантических свойствах и типах энергии: речь может идти и об энергетическом действии электрона, и об энергетическом импульсе прикосновения или взгляда. Изображения и слова, материя и природные ресурсы, социальные группы и принципы их организации рассматриваются в качестве носителей энергии. Понятия энергии и энтропии могут в равной мере относиться к культурным и биологическим системам. Таким образом, понятие «энергия» обозначает крайне разнородные явления. Энергия циркулирует в рамках разнообразных социогуманитарных концепций: аффективного возбуждения, экспрессивной динамики, жизненной силы, «разогрева» медиа, активной перформативности, формального упразднения границ или семантического накопления и т. д. Смысловые трудности в результате семантической пролиферации слова «энергия» отчетливо проявляются в попытке Стивена Гринблата использовать понятие «социальной энергии» в качестве аналитического инструмента:

«Но что же такое „социальная энергия“? Этот термин предполагает нечто измеримое, однако я не могу найти внятного и достоверного решения для определения стабильной единицы ее измерения. Мы определяем энергию лишь кос-

¹ См.: Gronau B. (Hg.) Szenarien der Energie. Ästhetik und Wissenschaft des Immateriellen. Bielefeld, 2013.

венно, по ее эффектам: она заявляет о себе в способности отдельных словесных, звуковых и визуальных следов производить, формировать и организовывать коллективный физический и ментальный опыт. Поэтому энергия ассоциируется с повторяющимися формами удовольствия и интереса, со способностью к возбуждению, беспокойству, боли, страху, сердцебиению, жалости, веселью, напряжению, утешению, удивлению. В своих эстетических модусах социальная энергия должна обладать минимальной предсказуемостью – достаточной лишь для того, чтобы обеспечить простые повторения, – и минимальным диапазоном, делающим возможной связь между отдельным создателем или потребителем и неким сообществом, тоже ограниченным»².

В чем же при всех семантических трудностях, связанных с ее использованием, состоит эвристический потенциал понятия «энергия»? В чем сила, а в чем слабость ее дисциплинарных трансгрессий? Чем вызваны междисциплинарные выражения этого понятия? Чем подпитывается его ярко выраженная дискурсивная адаптивность, на каких свойствах энергии она фокусируется, а также из каких физических характеристик энергии проистекает? Для каких явлений и для какого типа познания слово «энергия» выступает как строгий термин, а для каких как подвижная метафора? Каким образом можно обрисовать историческую изменчивость понятия «энергия»

² *Greenblatt S. Shakespearian Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England. University of California Press, 1988. P. 6.*

и возникший вокруг него широкий спектр энергетической образности?

Направление ответов на эти вопросы подсказывает история понятия³. Уже в момент своего зарождения понятие «энергия» выступает в качестве гибрида, отсылающего к трем сферам знания: физике, метафизике и риторике. Аристотелевская физика приходит к осмыслению *enérgeia* через осмысление движения, становления, *kinesis* и определяется как «действительность существующего в возможности». Метафизическое понятие *enérgeia* укоренено в учении об актуальности-потенциальности, которое по способу аргументации близко к физическому учению о движении. *Enérgeia* здесь подразумевает процесс осуществления, в котором сущее переходит от возможности к действительности. В отличие от своей концептуальной противоположности, *dynamis*, которая означает лишь потенцию изменения или воплощения в бытии, *enérgeia* является уже входящим в реальность осуществлением возможности проявляющего себя сущего. Она отождествляется с процессом осуществления, в котором сущее переходит от возможности к действительности. Наконец, в риторике происходит встреча физических и метафизических коннотаций подвижности, осуществления и действительности. Аристотель разрабатывает риторическую

³ См. обзор работ по истории понятия у Макса Яммера: *Jammer M. Energie // Ritter J. (Hg.) Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 2. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. S. 494–499.*

enérgeia в рамках своей теории метафоры и обозначает те «активные» метафоры, которые показывают вещи подвижными, деятельными, живыми и явленными.

Эта концептуальная тройственность понятия «энергия» определяет и горизонт его дальнейшей истории. С приходом Нового времени различные виды рефлексии об энергии переживают подъем. Причем и теперь это понятие выдвигается вперед благодаря импульсам, исходящим от физики (поздняя ньютоновская механика), философии (материализм) и риторики (гумбольдтовская философия языка). Наверное, именно Эрнст Кассирер наиболее радикально сформулировал значимость понятия «энергия» для XVIII века. Просветительское мышление, согласно Кассиреру, «понимает разум не как устойчивую принадлежность знаний, принципов, истин, а скорее как энергию, как силу, которая вполне может быть постигнута только в своем осуществлении и воздействии». Поэтому и понятие разума может быть названо «понятием, относящимся не к бытию, а к действию»⁴. Импликации этого энергетического мышления в истории поэтики и эстетики не в последнюю очередь отражены у Иоганна Готфрида Гердера в энергетической дифференциации между пространственными и временными искусстваами. Гердер – критически дистанцируясь от Лессинга и опираясь на Дж. Харриса – обнаруживает в живописи принципиальный дефицит энергии, так как «живопись создает *единое* произве-

⁴ Cassirer E. Die Philosophie der Aufklärung. Hamburg, 1998. S. 16, 169.

дение, которое во время работы над ним еще ничто, а после завершения – все (курсив автора)». А «поэзия, напротив, воздействует энергически, то есть уже во время работы над нею душа должна ощущать все, а не так, чтобы восприятие начиналось лишь после того, как закончится энергическое воздействие»⁵. На этом основании энергия в итоге может быть возведена в «высший закон поэзии»⁶.

Не только энергический дискурс, но и дискурс, посвященный энергии, набирает такие обороты, что лексема *energie* в 1784 году удостоивается отдельной статьи в «Encyclopédie méthodique: grammaire et littérature» Николя Бозе и Жана Франсуа Мармонтеля. Там говорится, что энергия есть «качество, которое заставляет нас в одном слове или в немногих словах воспринимать или ощущать большое количество идей; или же малым количеством идей, выраженных словами, пробуждает в нашем уме чувства восхищения, почтения, испуга, любви, ненависти или еще какие-то чувства, которых не содержат эти слова сами по себе»⁷. Таким образом, производимые энергией эффекты приводят к адаптации понятия силы, взятого из механики и физики, к риторическим концепциям и учению о душевных потенциях. Дидро, назван-

⁵ Гердер И. Г. Критические леса, или размышления, касающиеся науки о прекрасном и искусства, по данным новейших исследований // Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 176.

⁶ Там же.

⁷ Beauzée N., Marmontel J.-F. (Ed.) Encyclopédie méthodique. Grammaire et littérature. 3 Vol. Paris, 1782–1786. Vol. 1. P. 713a.

ный Жакон Шуйе *poète de l' énergie*⁸, в диалоге с Д' Аламбером заостряет этот подход вплоть до материалистического тезиса о том, что и камни обладают чувствительностью – требующей лишь преобразования неактивной мертвой силы в силу живую⁹. Здесь учреждается взаимосвязь искусства и силы, которая совсем недавно вновь была открыта в аргументах антропологической эстетики, мыслящей себя по ту сторону представлений о норме, законах и цели¹⁰.

Мишель Делон воспринимал постоянство понятия энергии как часть нового мировоззрения, характерного для эпохи Просвещения: «Поскольку в общем и целом энергия наравне с движением является неотъемлемой частью новой картины мира, в которой на смену сущностям приходят процессы становления и существования, это понятие начинает встречаться в совершенно различных областях: в научной и художественной литературе, в физиологическом и психологическом описании человека. Им пользуются как адепты рациональности ощущений, так и поборники чувств. И двойственный характер чувственности напрямую связан с этой амбивалентностью энергии»¹¹. Но XIX век в еще большей степени становится той эпохой, которая в термодинамике, по

⁸ Chouillet J. Diderot, Poète de l' énergie. Paris: PUF, 1984.

⁹ Diderot D. La Rêve de d' Alembert, цит. по: Chouillet J. Op. cit. P. 56.

¹⁰ Menke C. Kraft. Ein Grundbegriff ästhetischer Anthropologie. Frankfurt/M., 2008.

¹¹ Delon M. L' idée d'énergie au tournant des Lumières (1770–1820). Paris, 1988. P. 31.

формулировке Мишеля Фуко, «обнаружила существенную часть своих мифологических ресурсов»¹².

Открытие принципа сохранения энергии и формулировка базовых постулатов термодинамики впервые создают условия для разграничения понятий «энергии» и «силы». Однако такая точность дефиниций закрепляется лишь в физике. За ее пределами использование этих понятий по-прежнему остается размытым и по меньшей мере отчасти синонимичным. Свою долю мощных физико-энергетических ресурсов в это время получают философия, эстетика и поэтика. Не позднее чем в 1820 году намечается отчетливое развитие дискурса энергии и в литературе.

Он находит свое выражение в технико-философских размышлениях Толстого о том, сопоставима ли человеческая сила воли с кинетическим эффектом давления в котле паровой машины (эпилог «Войны и мира»), или в бальзаковских экспериментах – иногда упоенных, иногда утонченных – по сохранению и истощению *force vitale* («Шагреновая кожа»). Если «энергетическая дилемма» Бальзака зиждется на энергетической экономике, энергетической гигиене, энергетическом эксцессе и все еще глубоко укоренена в витализме, то примерно с середины века мощь набирает энергетика индустриализации. Тексты эпохи реализма и натурализма пронизаны железнодорожными рельсами, а в купе поездов

¹² Foucault M. Andere Räume // Barck K. e. a. (Eds) Aisthesis. Wahrnehmung heute oder Perspektiven einer anderen Ästhetik. Leipzig, 1990. S. 34.

высвобождается энергия эротики и уголовных преступлений (Эмиль Золя «Человек-зверь»). В метафорике наполовину животной, наполовину человеческой машины находит выход давление инстинкта и насилия. Особенно показателен в этом отношении викторианский роман, вырабатывающий приемы так называемой «термопоэтики» (*thermopoetics*), которые посредством взаимного переформатирования физической и поэтической парадигм стремятся превратить текст в машину, уравнивают нарративные силы или же инициируют перевод романа в энтропийную систему сугубо чувственного¹³.

Все большую поэтическую релевантность обретают теперь, в дополнение и в пику взрывным, заряженным энергией трансгрессиям, состояния истощения и бессилия. В этой связи Энсон Рабинбах в своем исследовании, посвященном метафоре человеческого двигателя, обнаруживает у энергетических истоков модернизма – мерцание «поэтики усталости» (*poetics of fatigue*) с энтропийным ослаблением всех деятельных порывов¹⁴. Вялые и инертные Обломы находят своих антиподов в сверхчеловеке модернизма, воплощающем собой силу и волю. Ницше, чей голос, вероятно, громче других воспекает фигуру сверхчеловека, выстраивает на

¹³ Gold B. *Thermopoetics. Energy in Victorian Literature and Science*. Cambridge University Press, 2010.

¹⁴ Rabinbach A. *The Human Motor. Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity*. Berkeley, LA, 1990. P. 40.

базе закона сохранения энергии не только учение о вечном возвращении; в этом же законе он находит опору для формирования принципов композиции и ритмических структур¹⁵.

Энергетический дискурс достигает пороговой ситуации около 1900 года. Происходит расширение энергетики до универсальной дисциплины. В 1905 году Альберт Эйнштейн обобщает свои соображения, изначально относящиеся к электромагнитной массе, в формуле принципиальной эквивалентности массы и энергии – $E = mc^2$, которая артикулируется в мысленном эксперименте и лишь впоследствии получает эмпирическое подтверждение. Энергетический мо-
низм производит решительное переоформление энергетики из естественной и технической науки в науку о культуре. Вильгельм Оствальд в 1909 году, то есть в год получения им Нобелевской премии за исследования о катализе, публикует свой манифест «Энергетические основы науки о культуре». «Энергетический подход, который я применял изначально лишь в изучаемых мной специальных дисциплинах, химии и физике, – говорится в манифесте, – привнес те же простоту и ясность сначала в физиологию и психологию, а затем создал и столь необходимые условия для наблюдения и упорядочивания вопросов, касающихся проблемы культуры». В итоге, по мысли Оствальда, «каркас законов энергии

¹⁵ Ср., «Закон сохранения энергии требует вечного возвращения» – *Nietzsche F. Aus dem Nachlaß der Achzigerjahre // Nietzsche F. Werke in 3 Bd. / Schlechta K. (Hg.) München, 1969. Bd. 3. S. 861.*

не только облегчает объяснение крайне запутанных явлений в народном хозяйстве, формировании наук, устройстве права и государства, короче, во всем, что мы объединяем под понятием культуры, но и позволяет сформировать массу новых серьезных представлений»¹⁶.

На основе учения об энергетике Оствальд, отталкиваясь от кантовского категорического императива, развивает так называемый энергетический императив, которому он хочет подчинить науку, политику, философию, повседневное поведение, поэзию и изобразительное искусство. «Не растрачивай энергию, используй ее!» Этот императив оказывается вызовом той эпохе, которая осознает себя подверженной все более растущему давлению нормативности и одновременно повышению потребностей в энергии. Это эпоха «токов и излучений» (Кристоф Азендорф), в которой пространство, время и материя растворяются в электромагнитных полях, в которой вопросы об энергии активно преобразуются в политические идеологемы, основы философских теорий и эстетические максимы. Не удивительно, что формула Оствальда находит широкий отклик. Александр Богданов разрабатывает свою «всеобщую науку» *тектологию* не в последнюю очередь на базе энергетического монизма. Павел Флоренский интегрирует оствальдовскую «энергию формы» в свою амальгаму теолого-физико-поэтологических концепций энергии, а Максим Горький сочиняет свои первые рома-

¹⁶ Ostwald W. Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaft. Leipzig, 1909. S. 5.

ны в той же мере под впечатлением от натурфилософских работ Оствальда, что и от учения Наума Котика об эманации психофизических энергий. Дают о себе знать и апории безграничной энергетики. Для Флоренского эти конфликты оказываются особенно продуктивны. Он хорошо знаком с текстами Оствальда, быстро переведенными и интенсивно обсуждавшимися в России¹⁷. В 1925 году Флоренский разрабатывает теорию о мировых запасах энергии, которая совершенно очевидно имеет монистические основы. Одновременно под влиянием гумбольдтовской философии языка он актуализирует понятийную пару *ergon* vs. *enérgeia* в качестве основной концептуальной оппозиции. Она позволяет придать дополнительную остроту понятию энергии, но одновременно коренным образом ставит под вопрос способность энергии быть точно определенным понятием. Более того, сложности с превращением «энергии» в строгое научное понятие становятся отправной точкой для принципиальной терминологической критики.

В то же время модернизм адаптирует понятие энергии для разработки дерегулирующих поэтических приемов: в языковых лабораториях авангарда проводятся эксперименты над взрывчатыми зарядами слов, когда, по формулировке Маринетти, детонируют «трубы предложения», «клапаны пунк-

¹⁷ Работы Оствальда непосредственно после их публикации были переведены на русский язык: *Оствальд В. Несостоятельность научного материализма*. СПб., 1896; *Он же. Философия природы*. СПб., 1903.

туации» и «регулирующие болты прилагательных»¹⁸. Борис Томашевский переносит вопрос ритма в плоскость «распределения экспираторной энергии в пределах единой волны – стиха»¹⁹. В 1922 году Георг Кайзер также провозглашает, что «форма энергии – поэзия»²⁰, и почти одновременно проекционисты, группирующиеся вокруг Соломона Никритина, объявляют, что искусство сопоставимо с передатчиком, излучающим энергию. После того как у русских формалистов само различие между языком повседневной коммуникации и поэтическим языком искусства начинает рассматриваться через противопоставление закона «экономии душевных сил» (сформулированного позитивистской психологией Герберта Спенсера и Рихарда Авенариуса) и закона траты дополнительный усилий²¹, а литературные жанры рассматриваются в качестве «энергетических величин», конструкция каждого из которых требует разных энергетических затрат²², а пражские структуралисты начинают гово-

¹⁸ *Marinetti F. T. Zerstörung der Syntax – Drahtlose Phantasie – Befreite Worte* [1913] // *Asholt W. e. a. (Hg.) Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde* (1909–1938). Stuttgart, 1995. S. 41.

¹⁹ *Томашевский Б.* Пятистопный ямб Пушкина [1919] // *Томашевский Б.* Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923.

²⁰ *Kaiser G. Der kommende Mensch oder Dichtung und Energie* [1922] // *Kaiser G. Werke*. Bd. 4 / *Huder W. (Hg.)*. Frankfurt/M., 1971. S. 570.

²¹ *Шкловский В.* Искусство как прием [1917] // *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1929. С. 10–11.

²² «Понятие „величины“ есть вначале понятие энергетическое: мы склонны называть „большую формою“ ту, на конструирование которой затрачиваем больше

ритель об «энергетике структуры»²³, энергия утверждается как основной принцип искусства. Так же смотрел проблему и Эзра Паунд: «Не исключено, что главное в искусстве – это своего рода энергия, что-то похожее на электричество или радиоактивность, некая сила, пропитывающая, спаивающая, объединяющая» (1914)²⁴.

Конечно, стремление Оствальда подчинить второму закону термодинамики весь процесс цивилизации и его отдельные сферы труда, науки, социальности, эстетики и экономики – ход столь же редукционистский, сколь и типичный для своего времени. Вместе с тем подход Оствальда в высшей мере репрезентативен для истории понятия «энергии», имеющего тенденцию встраиваться в самые разные дисциплины, так что в рамках психоанализа в той же мере может быть обоснован закон сохранения энергии либидо, как в нарративной теории повествования могут рассматриваться с точки зрения производства энергетических избытков или, напротив, экономии энергии. В результате этих адаптаций происходит развитие не столько энергетического монизма, сколько энергетического плюрализма. В свою очередь, по-

энергии» – Тынянов Ю. Литературный факт [1924] // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 256.

²³ Mukařovský J. Der Strukturalismus in der Ästhetik und in der Literaturwissenschaft // Mukařovský J. Kapitel aus der Poetik. Frankfurt/M., 1967. S. 11.

²⁴ Pound E. The Serious Artist [1913] // The New Freewoman. 1913. Vol. 1. № 10. P. 194–195.

следний не столько сводит все области знания, искусство и медиа к физическому понятию «энергии», сколько приводит к его многократному расширению. Так возникает тесное слияние понятий энергии, силы, динамики, влечения, воли.

В середине XX века в той части антропологической теории, которая применяла эволюционистские и неозволюционистские подходы к описанию процессов социокультурного развития, стали возникать концепции, напрямую увязывающие объемы производимой и потребляемой энергии с типом социальной организации, культурными доминантами и ценностными ориентирами. Во многом эти концепции опирались на идеи Вильгельма Оствальда, считавшего, что «история цивилизации есть история все большего контроля человека над энергией»²⁵. Отталкиваясь от этого тезиса, американский антрополог Лесли Уайт предложил формулу, согласно которой ход истории может быть сведен к простому уравнению: $C = E \times T$, где C – культура, E – энергия, а T – техника²⁶. Согласно этой аналитической оптике, человек и окружающий его мир представляют собой динамические системы, функционирование которых связано с затратами энергии, – при этом культура есть не что иное, как совокупность технологий извлечения, преобразования и ис-

²⁵ Ostwald W. The Modern Theory of Energetics // The Monist. 1907. Vol. XVII. № 4. P. 515.

²⁶ White L. The Science of Culture: a Study of Man and Civilization. New York, 1949. P. 142.

пользования энергии. Эволюция культуры – это движение в сторону все большей организации, дифференциации структуры, повышения уровня интеграции и увеличения концентрации энергии (не сложно заметить, что общий оствальдовский исток, стоящий за «культурологией» Уайта²⁷ и «тектологией» Богданова, породил очень сходные системы представлений). Культура «развивается по мере того, как увеличивается количество энергии, потребляемое в год на душу населения, либо по мере роста эффективности орудий труда, при помощи которых используется энергия»²⁸. Чуть раньше тот же принцип был положен в основу типологии этапов технологического развития (уровень извлекаемой энергии коррелирует с параметрами отношений между техникой, природой и человеком), который предложил американский историк и философ техники Льюис Мамфорд²⁹. И хотя в последнее время столь последовательный эволюционистский детерминизм утратил прежнюю влияние, появляются все новые и новые попытки обосновать его, опираясь на новые данные биологии, антропологии, археологии и истории. Одним из наиболее громких примеров таких попыток стала книга американского археолога и антрополога Йэна Морри-

²⁷ А именно он впервые ввел термин *culturology* для обозначения особой науки о культуре.

²⁸ Уайт Л. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 444.

²⁹ Mumford L. *Technics and Civilization*. London, 1934. P. 109–110.

са³⁰. С его точки зрения, развивающей и усиливающей концепцию Уайта: методы извлечения энергии определяют численность и плотность населения, которые, в свою очередь, служат главным фактором, диктующим оптимальные формы социальной организации, вследствие чего одни наборы ценностей становятся более успешными и привлекательными по сравнению с другими³¹. Иными словами, от способа получения необходимой для жизни энергии (собираательство, земледелие, использование ископаемого топлива) зависят не только форма социальной организации, но и этические координаты. Выдвигаемый исследователем тезис «Моральные требования склоняются перед энергетическими потребностями, а в обществах, извлекающих от 10 тыс. ккал энергии на человека в день, одним из самых важных требований является признание политического и экономического неравенства»³² – может показаться радикально редукционистским, но, как бы к нему ни относиться, Моррис обосновывает четкую взаимосвязь между способом получения необходимой для жизни энергии, ее объемом, характером общественной организации и базовыми ценностями (прежде всего, отношением к неравенству и насилию), обеспечиваю-

³⁰ *Morris I. Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve.* Princeton; Oxford, 2015.

³¹ *Моррис Й. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности.* М., 2017. С. 252–270.

³² Там же. С. 163.

щими устойчивое воспроизводство данной социальной формации.

Какими бы разнонаправленными ни были эти подходы и постановки вопросов, можно отчетливо увидеть, что эпистемологическая и эстетическая притягательность физического феномена «энергия» касается в первую очередь четырех неизменных проблем, всегда сопровождающих решения по ее репрезентации.

1. Привлечение понятия энергии плодотворно для рефлексии о методах трансформации и обмена. Одно из первичных физико-энергетических наблюдений касается того, что энергия даже там, где речь идет о ее растрате, не исчезает, а сохраняется и претерпевает множественные формальные конверсии, например из кинетической энергии в тепловую энергию. Это наблюдение ложится в основу описания феноменов переноса и перевода, а также трансфигуративных и метаморфических процессов в энергических терминах. Способность к трансгрессивной смене форм, к трансферам между различными типами медиальности и дискурсивными форматами в результате предстает как подлинно энергетический эффект. Барбара Гронау определяет этот эффект как *fluidum* энергии: «Энергия не обладает характером вещи, она является „флюидом“, который замечен лишь в процессах видоизменения и передачи».

2. Дискуссия вокруг понятия энергии придает сфокусированность пониманию материала и формы, а также их вза-

имоотношений. Уже в аристотелевской концепции *enérgeia* выступает в связи с понятиями формы и материи, при этом *enérgeia* возводится в формообразующий принцип осуществления или самого сущего – актуального. Вирулентность концепции энергии как формообразующей силы обнаруживает себя не только там, где понятие материи подвергается коррозии или материя становится мыслимой и постижимой лишь как «замороженная энергия» (Яммер), как одна из форм энергии. Понятие энергии попадает в сердцевину фундаментального вопроса о том, каким образом форма и внешняя сущность соотносятся с энергетическими воздействиями, иначе говоря, как понятие формы должно получать новое осмысление там, где оно претендует на действительность и действенность.

3. Понятие энергии – это ключевая категория для обсуждения изобразительных концепций в связи с их эстетическими, коммуникативными и социальными воздействиями, притязаниями или ожиданиями. В 1920 году представительница конструктивизма Любовь Попова пишет: «В истории искусства не было ни одной значительной эпохи, в которой бы объект изображения не искажался ради внешней энергии выражения». Такая критика репрезентации через понятие энергии не только требует базовой ревизии миметизма изображения ради предпочитаемого ему принципа экспрессивного и энергетически заряженного остранения. Энергия как категория изображения затрагивает, кроме того, коре-

нящееся в античном понимании *enérgeia* притязание на витальное присутствие здесь и сейчас. То, что находится в обладании *enérgeia*, порывает с репрезентацией и переходит в модус присутствия (часто коннотированного как живое), оно отклоняет опции латентного, возможного, вероятного и переходит в модус фактически данного.

4. Энергия являет собой призматическое понятие, в котором взаимно преломляются природа, искусство и техника. Намеченные выше проникновения естественно-научной концепции энергии в гуманитарные науки и в искусство нередко были связаны с рассмотрением энергии как импульса, необходимого для возникновения радикальной техноэстетики. В этой перспективе, например, различные течения в искусстве модернизма кажутся вдохновленными прежде всего открытием электромагнитных колебаний, радиоактивности и электрона³³. Но одновременно понятие энергии выступает в роли символического шифтера, с помощью которого искусство вновь обращает внимание на тело и его пластику³⁴,

³³ Ср. принадлежащее одному из основателей дадаизма описание сдвига в восприятии материальной реальности, произошедшего в связи с утратой прежней стабильной картины мира и вторжением новых представлений об энергетических потоках, лишаящих предметы устойчивых границ и образов: «Твердь бесследно исчезла. Исчезли камень, дерево, металл. Великое стало мелким, а мелкое достигло гигантских размеров. Мир предстал чудовищным и зловещим, исчезли здравый смысл, традиции, критерии. Учение об электронах вызвало странную вибрацию во всех плоскостях, линиях, формах» – *Балль Х. Кандинский // Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кельне. М., 2002. С. 117.*

³⁴ См. например: *Сироткина И. Свободный танец в России. История и фило-*

на эстетический концепт *vis viva* или же на эстетико-экологические концепции – такие, как *land art*. Таким образом, вместо того чтобы выступать референциальной основой современной веры в технику, энергия должна осознаваться как интегрирующая фигура в игре различных дискурсов.

В материалах этого сборника прослеживаются преобразования понятия «энергии» в трансдисциплинарной перспективе. Литературоведение, киноведение, история искусства, история науки, психоанализ, культурология и философия рассматривают энергию как терминологический мостик между различными сферами знания. В более широком контексте цель нашего сборника – внести основополагающий теоретический вклад в понимание дискурсивных и эпистемологических связей между гуманитарными и естественными науками.

Сборник состоит из четырех тематических разделов. Первая часть освещает *Горизонт истории понятия*, который простирается от физических дискурсов, физиологии, психологии, современного танца и дискурса, фокусирующегося на человеческом теле, вплоть до постмодернистских дискуссий о фундаментальной концепции мимесиса. Макс Яммер исследует открытость понятия силы в естественно-научных дисциплинах с XVIII до начала XX века. Он демон-

софия. М.: Новое литературное обозрение, 2011; *Она же*. Шестое чувство авангарда. Танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб.: Издательство Европейского университета, 2016.

стрирует, как понятие «сила» из-за своей неоднозначности и неустранимого семантического «релятивизма» с приближением эпохи модернизма включается в обиход различных научных дисциплин и формаций знания. На фоне исследований по физиологии восприятия (школы Гельмгольца), изучения истерии, метапсихологического толкования сновидений и психоаналитической теории влечения сила и энергия формируют центральную парадигму в теории и практике психоанализа у Зигмунда Фрейда. Этот процесс описывает Гюнтер Гёдде. Понятие энергии представляет собой самостоятельную концепцию и в культуре современного танца с его различными соматическими практиками, вовлекающими внутренние органы – диафрагму и солнечное сплетение, – которые познаются как в танце, так и в дискурсе о нем. Об этом сюжете говорится в статье Габриелы Брандштеттер, написанной с опорой на теорию танца. Сергей Зенкин исследует постмодернистскую дискуссию вокруг проблемы мимесиса, обращение которой к перформативным и психофизическим процессам эстетической коммуникации определяет парадигму структуралистской семиотики в сфере понятия энергии. На конкретных примерах иллюстрируется релевантность этого нового энергетического толкования художественного семиозиса.

Несмотря на то что понятие энергии в своей исторической динамике характеризуется текучестью, трансгрессией, открытостью к изменениям, наблюдаемость воздействия энер-

гии «здесь и сейчас» неотделима от материальности и медиальности. Вторая часть, *Носители энергии*, посвящена этому противоречию между тенденцией к дематериализации и медиальной вирулентностью. Кристоф Азендорф рассматривает «лучи», а также «вибрации, колебания и волны» в качестве примеров дематериализации и сгущения энергий, спровоцированных изучением и практическим освоением электричества на протяжении XIX века. В его работе происходит взаимопроникновение медицинских, естественно-научных и эстетических наблюдений. Асимметрия энергии и медиальности характерна для истории различных теорий языка, имеющих тенденцию отнимать у него энергетический потенциал, когда речь идет о письме. Это наблюдение становится отправной точкой для исследования Сюзанны Штретлинг, выявляющего специфику взаимодействия кинетического, онтологического и семантического моментов, лежащих в основе энергетических теорий; это позволяет точнее определить как формальную открытость понятия энергии, так и варианты медиализации этого понятия. Павел Флоренский представлен как пример модерной констелляции производства энергии письма из энергии языка. В статье Юрия Мурашова анализируется метафорика «горячего» и «холодного», которую развивает канадский теоретик медиа Маршалл Маклюэн. Различия между устным и письменным являются для него критерием выделения разных энергетических потенциалов у различных медиа. Статья показывает,

как теоретическая рефлексия о времени в термодинамике 1950-х годов обретает актуальность и эпистемологическую значимость в медиафилософии и культурологии.

Уже в греческой античности литература и искусство выходят на передний план в попытках понять те особенности художественного творчества и его рецепции, которые находятся за пределами технического и формального. Этому посвящена третья часть сборника – *Эстетика энергии*. Оттилла Шимон анализирует сформулированное в диалоге между Сократом и Ионом учение Платона об *enthousiasmos*, где Гомер и образ магнита положены в основу обсуждения жизненной силы эстетики, понятой как движение, сила и передача энергии. В художественном энтузиазме Платона сознание, ориентированное на понятийность, подвергается дионисийскому освобождению. Платоновская энергетическая формула искусства выступает исходным пунктом и для эстетико-философских тезисов Кристофа Менке, по-новому трактующего оппозицию поэтического *technē* и эстетико-энтузиастической силы в их взаимной соотнесенности. Менке указывает на обретение этим соотношением новой злободневности и экзистенциально-философской остроты в связи с сегодняшними постмодернистской, капиталистической экономикой развлечений и социальной политикой. Художественная *forza* и ее «трансгрессивное ядро» оказываются доминирующими и в дискурсе о живописи итальянского Ренессанса XIV–XVI веков, в рассуждениях о напряжении между фак-

тической плоскостностью и эффектом трехмерности (*rilievo*) в живописных техниках и в теориях, связанных с восприятием живописи, с удаленными объектами и близлежащими телами, с отношениями между живописью и скульптурой, а также техникой кьяроскуро. На этом фоне в статье Франка Ференбаха рассматривается композиционная полярность близкого и далекого в пейзаже, отражающая животрепещущую для изобразительной теории констелляцию, сопряженную с концепцией силы. Мэтью Фольграфф демонстрирует, как в историческую иконографию Аби Варбурга проникают представления о полярности природы, взятые из физики и теории энергии второй половины XIX века. В мыслительной конструкции взаимного превращения кинетической и статической энергии при движениях маятника Варбург находит модель описания, позволяющую ему, отталкиваясь от имманентности мотивных структур, проследить процессы исторической рецепции и изменения толкований в истории, а также оценить восприятие нового в перспективе воспоминания. В статье Татьяны Петцер освещается российская рецепция оствальдовского понимания энергии до и после революции. Эта рецепция обнаруживает себя в диапазоне от *energetic turn* в научно-философских, организационно-технологических, биохимических, космологических и религиозно-философских теориях до различных трансформационных эстетик или энергетических сценариев, циркулировавших в литературном контексте (в творчестве Максима Горь-

кого, Андрея Белого, Евгения Замятина, Андрея Платонова и Федора Гладкова). На фоне распространенности понятия энергии в русском авангарде разворачиваются дискуссии о ритме, которые, выходя за рамки теории стиха, перемещаются в сферу эмпирико-психологических исследований, касающихся дискурсов о теле (танце, гимнастике), кино, теории музыки, архитектуре и изобразительном искусстве. Георг Витте выделяет многообразные соположения энергии и ритма в таких различных понятийных изводах, как импульс и энграмма, заряд и разряд, текучее постоянство и секвенциализация, движение и его запись. Убедительно демонстрируются пространственные и временные, а также трансмедиальные измерения этого взаимопроникновения энергии и ритма.

В четвертой части рассматривается *Политэкономия энергии*. Термодинамические законы сохранения энергии и возрастания энтропии являются тем контекстом, в котором Ансон Рабинбах производит свои наблюдения над концепцией «рабочей силы» психолога и медика Гельмгольца, указывая на моменты, послужившие толчком к дальнейшему развитию понятия «рабочая сила» в квантитативно-экономическом, психологическом и социальном направлениях. Под влиянием все той же термодинамики со второй половины XIX века по-новому фокусируется интерактивное взаимодействие между харизматичным индивидуумом и приводимой им в движение массой. Михаэль Гампер раскрывает

этот тезис на трех примерах: рассуждениях Густава Лебона о политическом и риторическом предводителе масс; социальном типе «человека собственной силы», своим деятельным примером приводящим массу в движение; и обмене энергией между активным субъектом и зрительской массой во французской спортивной культуре 1920-х годов. Илья Калинин описывает технологические, художественные, политические, политэкономические дискурсы о социализме как об обретении доступа к неограниченным источникам энергии, согласно которым энергия понималась как сила, преобразующая социополитический порядок и даже антропологическую природу человека. Наиболее интересным моментом этой дискурсивно разнообразной рефлексии была взаимная диффузия между организующими ее дискурсивными формациями, риторические и концептуальные переплетения этих дискурсов и практик, а также различные примеры метафоризации и символизации понятия энергии. Наталья Ганаль в своей статье анализирует важные для ранней советской культуры попытки невролога Владимира Бехтерева материалистически обосновать монистическое понимание энергии Оствальда в духе ленинского эмпириокритицизма, при этом, с одной стороны, речь шла об энергетическом понятии производства, охватывающем все виды человеческой деятельности, а с другой – о «коллективной рефлексологии», с помощью которой Бехтерев, продолжая Лебона, Тарда и Дюркгейма, пытался подобрать ключ для

понимания энтузиазма, охватившего революционные массы. Автор еще одной статьи данного блока, Константин Каминский, обращается к энергетической рефлексии и практике Андрея Платонова, рассматривая ее на фоне проблематики трудов Владимира Вернадского о ноосфере Земли и роли человеческого фактора как геологической силы, ее преобразующей. Революционные проекты ранней советской культуры, радикально меняющие и характер энергетической системы, и энергетические технологии, обеспечивающие связь между производительными силами и производственными отношениями, во многом антиципируют современные теории антропоцена и экологическую чувствительность, развивающуюся перед лицом глобальных экологических вызовов.

Завершается сборник концептуально важной работой Джона Урри, который рассматривает понятие энергии в связи с ее материальным и экономическим бытованием в формах угля, нефти или силы воды, критически указывая на соответствующий пробел в социальных науках и демонстрируя, как в зависимости от материальной базы производства энергии из угля или нефти возникают те или иные социальные, политические и экономические структуры. На этом фоне им выстраиваются возможные проекты преодоления глобальных энергетических проблем. Таким образом, начав с семантических приключений, претерпеваемых понятием энергии в эпоху Нового времени, мы вновь возвращаемся к энергии как материальному свойству природных ресур-

сов, использование которых вновь возвращает нас к общественно-политическим импликациям, сконцентрированным в этом феномене, соединяющем физическое и социальное.

Перевод с немецкого Иннокентия Урупина

РАЗДЕЛ 1

Горизонт истории понятия

Макс Яммер ³⁵

Понятие силы. Исследование оснований динамики.

Формирование научных понятий ³⁶

Цель настоящего исследования – представить историческое развитие понятия силы в физической науке. Хотя это понятие признано одним из основных и первичных в физической теории, прежде оно никогда не становилось предметом всестороннего исторического анализа и критического рассмотрения. Как правило, его считают не нуждающимся в объяснении, так как на практике оно применяется вполне успешно. В учебниках и даже в объемных монографиях

³⁵ Хотя в русскоязычной традиции родившегося в Берлине израильского физика и историка науки Макса Яммера порой называли Джеммером (см., например: *Джеммер М.* Понятие массы в классической и современной физике. М.: Прогресс, 1967), мы используем более аутентичный вариант. – *Примеч. ред.*

³⁶ Перевод выполнен по следующему изданию: *Jammer M.* Concepts of Force. A Study in Foundations of Dynamics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. P. 1–15.

нет почти никакой информации о природе этого понятия. Огромное разнообразие его практических применений полностью игнорирует проблемный характер понятия силы.

Часто говорят, что ученому-естественнику нет дела до истории идей, которые он применяет в своей работе. Но учитывая, насколько важной для современной физики стала проблема возникновения научных понятий, этот аргумент почти утратил свое значение. Некогда проблемой формирования научных понятий интересовались лишь антиквары от истории науки и педанты от эпистемологии. Для современной науки она стала жизненно важной.

Изучать исторические аспекты того, как формировались понятия в физической науке, нелегко. Для того чтобы хорошо ориентироваться в источниках, требуется глубокое историческое и филологическое образование, а чтобы их критически сравнивать, интерпретировать и оценивать их значимость для науки, необходимо владеть теорией физики.

При изучении того, как развивалось то или иное научное понятие, возникает серьезная проблема. Она состоит в том, что определение этого понятия неизбежно будет туманным. В науке понятие может быть строго закреплено только с помощью точного определения. Но если взглянуть на определение исторически, перед нами лишь один из поздних этапов развития данного понятия. Свести понятие исключительно к его современному определению значило бы игнорировать значительную часть его истории. Даже после того как оно за-

няло точно определенную позицию, история понятия еще не закончена – наиболее полное его значение проявляется только в контексте концептуальной структуры, в которую оно встроено, а этот контекст постоянно расширяется и изменяется. Однако с позиции истории идей не видна самая важная и интересная часть биографии понятия, а именно тот период, когда оно наиболее активно развивается и способствует формированию научной мысли. Таким образом, изучающим историю научного понятия приходится как-то реагировать на то, что определение обсуждаемого предмета туманно. Здесь в равной степени опасно устанавливать слишком широкие или слишком узкие рамки.

Современная физика не оставляет надежды тому, во что верили большинство авторитетных ученых в прошлом столетии. От амбиций, что физика сможет создать абсолютно точный слепок реальности, приходится отказаться. У науки в ее сегодняшнем понимании менее амбициозная и более конкретная цель. Описать определенные феномены опытно постигаемого мира и установить общие принципы того, как их можно предсказать и «объяснить», – вот две ее основные задачи. Под «объяснением» здесь, скорее, имеется в виду соотнесение этих феноменов с общими принципами. Чтобы успешно решить эти задачи, наука использует понятийный аппарат, то есть систему терминов и теорий, которые репрезентируют или символизируют данные, полученные через чувственный опыт, – прикосновения, цвета, тона, запахи

и то, как они могут быть связаны между собой. Этот аппарат состоит из двух частей: 1) сеть понятий, дефиниций, аксиом и теорем, составляющих гипотетико-дедуктивную систему (в математике ее примером является евклидова геометрия), и 2) отношения, в которых элементы этой системы состоят с определенными феноменами чувственного опыта. Через эти отношения, которые можно назвать «правилами интерпретации» или «эпистемологическими соотношениями»³⁷, устанавливается ассоциативная связь между, например, черным пятном на фотографической пластинке (чувственное ощущение) и спектральной линией определенной волновой длины (концептуальный элемент или конструкт в рамках гипотетико-дедуктивной системы³⁸). Другой пример – ассоциативная связь между щелчком усилителя на счетчике Гейгера и проходом одного электрона через счетчик. Физика нуждается в обеих сторонах этой связи именно потому, что она представляет собой теоретическую систему предположений об эмпирических феноменах. Гипотетико-дедуктивная система в отсутствие правил интерпретации быстро

³⁷ Рудольф Карнап (возможно, по аналогии с «трансцендентальным схематизмом» Канта) впервые подчеркнул важность этих отношений, которые он назвал «феноменологически-физическими соответствиями» (*phenomenal-physikalische Zuordnungen*). См.: Carnap R. *Über die Aufgaben der Physik* // *Kantstudien*. 1923. Bd. 28. S. 90. Термин «эпистемологическое соотношение» (*epistemic correlation*) принадлежит Ф. Норттропу: Northrop F. S. C. *Logic of the Sciences and Humanities*. New York: Macmillan, 1947. P. 119.

³⁸ Ср., Margenau H. *The Nature of Physical Reality*. New York: McGraw-Hill, 1950. P. 69.

выродится в спекулятивный анализ, который нельзя ни проверить, ни верифицировать. Сеть эпистемологических соотношений без теоретической надстройки, выведенной путем дедукции, останется бесплодным перечнем фактов, который не будет иметь ни предсказательной, ни объяснительной силы.

Принятие правил интерпретации создает некоторую произвольность внутри системы как целого, допуская в ее рамках некоторую предрасположенность в отборе понятий. Другими словами, произвольные модификации в терминологических соответствиях определенным ощущениям можно компенсировать, соответствующим образом изменяя эпистемологические соотношения, но не отрывая их от материальной реальности. Именно из-за этой произвольности научные понятия воспринимают как «свободные творения человеческого разума», которые «не однозначно определены внешним миром, как это иногда может показаться»³⁹.

Когда наука пытается создать логически последовательную систему мысли, которая бы соответствовала хаотическому разнообразию чувственного опыта, выбор основных понятий определяется – хотя и неоднозначно – их способностью создать базис, на основании которого можно объяснить наблюдаемые факты. Во-первых, сама неожиданная по-

³⁹ Einstein A., Infeld L. The Evolution of Physics. New York: Simon and Schuster, 1938. P. 33. Рус. пер.: Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов. М.: Наука, 1965. С. 30.

следовательность экспериментов и наблюдений вносит в систему элемент случайности. Как недавно заметил Джеймс Брайант Конант, «кажется ясным, что развитие современных научных идей могло пойти по несколько другому пути, если бы хронологическая последовательность некоторых экспериментальных открытий оказалась иной. В определенной степени эту хронологию можно считать чисто случайной»⁴⁰. Во-вторых, специфический характер фундаментальных концепций или базисных понятий в некоторой степени определяется общими представлениями, которые, в свою очередь, мотивированы подсознательными мотивами. Важная задача для историка науки – изучить состояние мысли, преобладающее в определенный период, и выделить в нем вненаучные элементы, ответственные за итоговый отбор понятий, которым суждено играть роль фундаментальных в конструируемом понятийном аппарате. Изучая историю науки ретроспективно, часто можно видеть, как на определенном этапе развития физики в целом удовлетворительно использовались (или могли использоваться) альтернативные друг другу понятия.

В качестве иллюстрации приведем важный для нашей темы пример: джайнистскую физику в древнеиндийской философии⁴¹. Джайнисты – последователи Джины Махавиры (из-

⁴⁰ *Conant J. B. The Citadel of Learning // Yale Review. 1955. Vol. 45. № 56.*

⁴¹ См., например: *Zimmer H. Philosophies of India. Bollingen Series XXVI. New York: Pantheon, 1951.*

вестен также под именем Вардхамана), старшего современника Будды, – создали реалистичную и релятивистскую концепцию атомистического плюрализма (*anekāntarāda*). В отличие от западной науки, для которой, как мы увидим позже, понятие силы является фундаментальным, в данной системе не существует этого понятия. В джайнистской физике категория *aṇīva* включает материю (*pudgala*), пространство (*akāśhā*), движение (*dharma*), покой (*adharmā*) и время (*kāla*). *Dharma* и *adharmā* означают условия движения и покоя. Бесформенные и пассивные, они не порождают движение и не прекращают его – они лишь помогают и способствуют движению или покою, подобно тому как для движения рыб нужна вода, а для покоя предметов – земля, на которой они лежат. «Действие» (*kriya*) и «изменение» (*parināma*) возникают благодаря «времени», при этом оно само по себе не вызывает движение, как это делает понятие силы в западной мысли. Есть и более привычный (хотя и не столь показательный) пример концептуальной схемы, где понятие силы не задействовано. Это, разумеется, декартова физика. Эта система, по крайней мере в том виде, как задумывал ее создатель, основывалась исключительно на геометрических и кинематических представлениях, а также на идее непроницаемости.

Ученый постоянно вынужден пересматривать свою концептуальную схему в силу множества факторов. Если не брать во внимание общекультурные мотивы, которые отсылают нас к конкретным философским, теологическим или

политическим идеям, существуют три наиболее важных методологических фактора, требующих пересмотра схем. Во-первых, это результаты новых экспериментов и наблюдений, из которых выводятся новые, ранее неизвестные следствия. Во-вторых, это возможные противоречия в логической сети выводимых понятий и их взаимосвязей. Третьим фактором является поиск наибольшей простоты и элегантности для выражения системы понятий. В большинстве случаев необходимо сочетание двух факторов (а иногда и учет всех трех), чтобы произошла перестройка или фундаментальная смена понятийной структуры. Хорошо известный пример – эксперимент Майкельсона – Морли, который доказал, что скорость света не зависит от движения Земли. Этот феномен был ранее неизвестен и, более того, несовместим с господствовавшей в конце XIX века теорией эфира. Его можно было встроить в эту концептуальную схему с помощью некоторых допущений («лоренцево сокращение длины»), но это серьезно усложнило бы схему и тем самым нарушило принцип простоты. Искусно переосмыслив понятия времени и пространства в рамках частной теории относительности, Эйнштейн, по существу, пересмотрел понятийный аппарат классической механики.

Конечно, не всегда этот аппарат приходится модифицировать столь радикальным способом, как это сделал Эйнштейн. Для историка научных понятий очень важным элементом системы является процесс «переопределения» понятия, кото-

рый изменяет его статус и положение в логической структуре данной системы. Классический пример такого переопределения можно найти в истории понятия *температура*. Изначально она считалась качественным выражением ощущения теплоты, а затем стала количественным показателем состояния материи, которое измеряется ртутным термометром по определенной шкале. Когда в ходе дальнейшего развития этого понятия стало очевидно, что «температура» в таком понимании зависит от свойств термометрического вещества, понятие еще раз переосмыслили, введя так называемую «абсолютную» термодинамическую шкалу. Так температура оказалась частью более обширной и понятной сети отношений, став неотъемлемой частью кинетической теории материи. Очевидно, что в результате этого процесса исторически и психологически более позднее понятие (в случае «температуры» – это кинетическая энергия молекулы газа) рассматривается в качестве логически более раннего, более систематичного и более фундаментального.

Понятия, которые ранее считались базовыми, могут в результате переопределения превратиться в производные. Хотя в истории научных понятий это случается не так часто, возможно и обратное: понятие, изначально возникшее как производное, на более позднем этапе, после переопределения другого понятия может быть выбрано в качестве базового. В классической механике скорость обычно считается производным понятием – отношением расстояния s ко вре-

мени t или пределом отношения (как в формуле $\Delta s/\Delta t$). Здесь расстояние и время рассматриваются как базовые понятия. Тем не менее вполне возможно было бы создать непротиворечивую теорию движения, в основе которой лежали бы базовые понятия времени t и скорости v . Скорость бы при этом измеряли напрямую неким аналогом спидометра, а расстояние считали бы производным понятием и вычисляли как произведение скорости и времени $s = t \cdot v$, или по более общей формуле $s = \int v \cdot \Delta t$. Современная астрономия, по крайней мере отчасти, последовательно поступает именно так. Связь этих понятий с измерениями материального мира, разумеется, не создает никакого препятствия: как ясно показала теория электромагнетизма, такая связь абсолютно произвольна и может полностью соответствовать понятиям, отобранным в качестве базовых.

Что касается понятия силы, оно возникло по аналогии с мускульным усилием человека, его духовным влиянием или силой воли. В дальнейшем его распространили на неодушевленные объекты как проявление силы, заключенной во всех материальных предметах. Пропуская несколько промежуточных стадий, можно сказать, что понятие силы стало ключевым для определения «массы», а оно, в свою очередь, определило понятие «импульс». В дальнейшем классическая механика переопределила силу как производную по времени от импульса, тем самым (по крайней мере, на первый взгляд) уничтожив все следы ее прежних анимистиче-

ских определений. Наконец, «сила» стала полностью относительным понятием, почти готовым к тому, чтобы полностью исчезнуть из понятийной структуры.

Здесь можно задать серьезный вопрос: не означает ли постоянное переопределение, что понятие последовательно наделяют новым значением, и в итоге уже нельзя утверждать, что на разных стадиях его жизни перед нами одно и то же понятие? Сторонник операционального подхода, утверждая, что определение понятия идентично процедуре измерения соответствующего свойства объекта, не согласился бы, что все эти стадии – этапы жизни одного и того же понятия. С другой стороны, реалист или приверженец теории конвергенции⁴², для которых научное утверждение – это не просто комплекс условностей, вероятно, не стал бы возражать. Для историка науки это всего лишь проблема формулировки. Для него проблема реальности стоит не на первом месте, то есть вопрос о том, насколько внутренняя структура гипотетико-дедуктивной модели науки отражает или в каком-либо виде передает реально существующее основание, на котором покоится недифференцированный спектр чувственных ощущений. В этом смысле специалист по истории идей находится в том же положении, что и ученый-естественник в лаборатории. Для него совершенно не важно, что он на самом деле исследует – развитие одного понятия или цепи вза-

⁴² См., например: *Bavink B. The Anatomy of Modern Science. London: Bell, 1932. P. 235.*

имосвязанных понятий. Другими словами, верно ли то, что разные определения охватывают одно и то же определяемое (*definiendum*) как часть реальности, существующую вне нашего сознания, – или верно, что каждое новое истолкование понятия нужно считать отдельным элементом логической системы? Эту проблему ученый предлагает решать метафизикам.

Даже если использовать так называемый «формальный»⁴³ и контекстуальный метод дефиниции, при котором исследовать процесс формирования понятий становится еще сложнее, позиция ученого-естественника остается такой же. В этом случае понятие рождается из постоянства определенных отношений в рамках эксперимента. Эти отношения фиксируются в виде некоторого показателя, которому можно дать определенное название. Хороший пример – известное определение массы по Э. Маху: когда два тела, обозначенные как 1 и 2, действуют друг на друга при одинаковых внешних условиях, постоянное обратное отношение между их взаимно вызываемыми ускорениями ($-a_2 / a_1$) можно определить как «относительную массу» этих двух тел, или, точнее, как отношение массы первого тела к массе второго. Если второе тело стандартно («стандартная масса»), то «относительная масса» становится «массой» тела $a1$. Именно это сложное определение массы и оказывается очень важ-

⁴³ См., например: *Bavink B. Formalistisches und realistisches Definitionsverfahren in der Physik // Zeitschrift für Chemie. 1918. Unterricht 31. S. 161.*

ным для современной физики – в квантовой механике оно необходимо, чтобы определять массу элементарных частиц, а в теории относительности – чтобы доказать зависимость массы от скорости. Более раннее и простое базовое понятие «количества вещества», измеряемого в молях, – определение массы по Кеплеру, Галилею и отчасти даже по Ньютону, хотя все они более тесно связаны с чувственным восприятием, но едва ли применимы в ситуации, где начинает работать более детальное, реляционное понятие массы по Маху. Важно заметить, что формальный метод дефиниции не обязательно переопределяет понятие. Этого, например, не происходит с понятием «энтропии».

Вычленив ядро понятия на протяжении нескольких стадий его развития может оказаться очень сложной задачей. Легко проследить, как менялось понятие *электрона* с того времени, как Дж. Стоуни ввел этот термин в 1874 году⁴⁴. Легко показать, как трансформировалось содержание этого понятия, пока оно не приняло современное значение – одна из элементарных частиц в квантовой механике. Намного труднее решить, является ли средневековое понятие *impetus* (импульса, толчка) предшественником понятия «импульса» в классической механике. Еще труднее понять, выводится ли понятие силы по Ньютону из аристотелевской идеи *dynamis* (возможности-способности).

⁴⁴ Stoney G. J. On the Physical Units of Nature // Philosophical Magazine. 1881. Vol. 5. № 11. P. 384.

В нашем случае определить ядро понятия еще труднее из-за того, что терминология крайне запутана и неясна. Само понятие силы (*force*) и его эквиваленты в разных языках могли означать очень многое. Разумеется, мы не будем принимать во внимание его переносное значение, которое мы встречаем в таких выражениях, как «сила примера», «сила привычки», «полицейские силы», «экономические силы» и так далее. С другой стороны, выражения вроде «силы природы» могут использоваться и в научном значении, а значит, быть актуальными для нашего исследования.

Но даже в качестве научного термина «сила» в разных контекстах может означать разные вещи. Например, как показывает критический анализ, в следующем предложении, взятом из Герберта Спенсера, каждый раз значение понятия меняется: «Вступая в противодействие с материей, единая сила (*a uniform force*) частично переходит в силы, действующие в различных направлениях (*forces differing in their directions*), а частично – в силы, различающиеся по существу (*forces differing in their kinds*)»⁴⁵. В декартовой механике, которая, как мы увидим, в сущности представляет собой теорию удара, третий закон движения гласит: если движущееся по прямой тело сталкивается с другим, наделенным меньшей силой (*vis*), то продолжает двигаться в том же направлении, но теряет ту часть движения, которую передает второму телу. Если же «сила» второго тела больше «силы» пер-

⁴⁵ *Spencer H. First Principles. New York: Appleton, 1895. P. 432.*

вого, то первое теряет направление движения, но не само движение⁴⁶. Очевидно, что в этом контексте «сила» означает то, что мы называем «количеством движения» или «импульсом», то есть произведением массы и скорости. Конечно, Декарта нельзя порицать за такое несоответствие. Его исследование вело в неизвестные до того области мысли, к идеям, для которых еще не существовало слов. Что могло быть более естественным, чем заимствовать слово из повседневной латыни; заимствовать слово, у которого еще не было терминологического значения, и использовать его как технический термин (*terminus technicus*), особенно учитывая, что его привычное значение мало отличается от операциональной интерпретации этого понятия? Декарт совершенно оправданно называет «силой» (*vis*) «произведение массы и скорости» – пусть даже в дальнейшем научная терминология и пошла по иному пути.

Однако положение усложняется, когда сам же Декарт начинает применять тот же термин в других значениях. В письме Мерсенну от 15 ноября 1638 года он, например, пишет: «Наконец вы слышали слово „сила“ в том смысле, который

⁴⁶ «Третий закон, замечаемый мною в природе, таков: если движущееся тело при столкновении с другим телом обладает для продолжения движения по прямой меньшей силой, чем второе тело для сопротивления первому, то оно теряет направление» — *Descartes R. Principia philosophiae, pars secunda, cap. XL // Oeuvres de Descartes / Adam C., Tannery P. (Eds) Paris: Cerf, 1905. Vol. 8. P. 65. Рус. пер.: Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 370 (пер. с лат. С. Я. Шейнман-Топштейн).*

я в него вкладываю, когда говорю, что требуется такая же сила, чтобы поднять груз в сто фунтов на высоту ступни, что и груз в пятьдесят фунтов на высоту двух ступней, то есть на это идет одинаковое движение или одинаковое усилие»⁴⁷.

Из этого фрагмента ясно, что «сила» в данном контексте означает работу. В таком же значении термин «сила» Декарт употребляет в начале краткого трактата «Объяснение механизмов, с помощью которых можно малой силой поднять тяжелый груз» (*Explication des engins par l' ayde desquels on peut avec une petite force lever un fardeau fort pesant*). Здесь он пишет: «Изобретение всех этих механизмов основано всего на одном принципе, а именно: та же самая сила, которая способна поднять, например, вес в сто фунтов на высоту двух ступней, может поднять вес в двести фунтов на высоту одной, или в четыреста – на высоту в полступни, и так далее, если применять к ним эту силу»⁴⁸.

Еще в 1743 году д' Аламбер, критикуя такое путаное и неразборчивое употребление термина, писал: «Когда говорят о силе движущихся тел, то или с произносимым словом вовсе не связывают никакой ясной идеи, или под ним понимают лишь свойство движущихся тел преодолевать встречаемые ими препятствия или сопротивляться этим препятствиям»⁴⁹. В XIX веке номенклатура стала еще более дву-

⁴⁷ Oeuvres de Descartes. Vol. 2. P. 432.

⁴⁸ Oeuvres de Descartes. Vol. 1. P. 435.

⁴⁹ d' Alembert J. L. Traité de dynamique. Paris: David, 1743; Discours preliminaire.

смысленной: «силой» регулярно называли то, что мы сейчас определяем как «энергию» или «работу», под влиянием лейбницевского термина «*vis viva*» (то, что мы называем «кинетическая энергия»).

Насколько неудобна такая путаная терминология не только для историка науки, но и для современников автора, который ее использует, можно видеть на примере Юлиуса Роберта Майера и его работы о сохранении энергии – «О количественном и качественном определении сил»⁵⁰. 16 июня 1841 года он отправил ее Иоганну Кристиану Поггендорфу для публикации в журнале *Annalen der Physik und Chemie*. Поггендорф как редактор отказался печатать это важное исследование, и в 1842 году его – под названием «Наблюдения за силами неживой природы» принял Либих в журнал *Annalen der Chemie und Pharmazie*⁵¹. Публикация осталась совершенно незамеченной. Как указывал Мах⁵², даже физик

Р. XVI (предисловие). Рус. пер.: Даламбер Ж. Динамика. М.; Л.: ГИТТЛ, 1950. С. 25 (пер. В. П. Егоршина).

⁵⁰ Mayer J. R. Über quantitative und qualitative Bestimmung der Kräfte // *Duhring E. Robert Mayer, der Galilei des neunzehnten Jahrhunderts*. Chemnitz: Schmeitzner, 1880.

⁵¹ Mayer J. R. Bemerkungen über die Kräfte der unbelebten Natur // *Annalen der Chemie und Pharmacie von Wöhler und Liebig*. 1842. Bd. 42. S. 233; перепечатано в: Mayer J. R. *Die Mechanik der Wärme*. Stuttgart: Cotta, 1867. S. 1–12.

⁵² «Лишь после значительных пояснений Жолли понял, что Майер хотел сказать» – Mach E. On the Part Played by Accident in Invention and Discovery // *Monist*. 1896. Vol. 6. P. 171; перепечатано в: Mach E. *Popular Scientific Lectures* / Transl. by T. J. McCormack. Illinois: Open Court, LaSalle, 1943. P. 274.

Ф. Жолли, посетив Майера в Гейдельберге, понял логику его работы лишь после долгой беседы и «значительных пояснений». В 1845 году вышла в свет знаменитая статья Майера «Органическое движение в его связи с обменом веществ», в которой он писал: «*В действительности существует только одна-единственная сила. Эта сила в вечной смене циркулирует как в мертвой, так и в живой природе. Нигде нельзя найти ни одного процесса, где не было бы изменения силы со стороны ее формы!*»⁵³

Многозначность слова «сила» (*Kraft*) приводила к серьезной путанице, и свидетельство тому можно найти в классической работе Германа Гельмгольца «О сохранении силы» (*Über die Erhaltung der Kraft*)⁵⁴. Двадцатилетний Гельмгольц прочитал ее на заседании Берлинского физического общества 23 июля 1847 года. Как и статью Майера, работу Гельмгольца посчитали экстравагантной. Поггендорф

⁵³ *Mayer J. R. Die organische Bewegung in ihrem Zusammenhang mit dem Stoffwechsel. Ein Beitrag zur Naturkunde, перепечатано в: Mayer J. R. Die Mechanik der Wärme. P. 13–126. Рус. пер.: Майер Р. Закон сохранения и превращения энергии. Четыре исследования 1841–1851. М.; Л.: ГТТИ, 1933. С. 94 (пер. А. А. Максимова). Статья открывается следующим утверждением: «Если нужно привести покоящуюся массу в движение, то для этого необходима затрата некоторой силы. Движение не возникает само по себе; оно возникает из его причины – силы. Ex nihilo nil fit. Объект, вызывающий при своем использовании движение, мы называем силой. Сила как причина движения является неразрушимым объектом» (Там же. С. 92).*

⁵⁴ *von Helmholtz H. Ueber die Erhaltung der Kraft // Ostwald's Klassiker. № 1. Leipzig: Engelmann, 1889.*

также не принял ее в свой журнал. Насколько двусмысленность понятия «силы» мешала понять статью, ясно видно из спора, который разгорелся между ее сторонниками – Э. Дюбуа-Реймоном и К. Г. Якоби – и противниками – Р. Клаузиусом и Е. Дюрингом. Неудивительно и то, что это туманное словоупотребление вышло за пределы собственно научного языка. В доказательство процитируем фрагмент из юмористической поэмы Вильгельма Буша (инженера по образованию), где пощечина описывается так:

К щеке, полной [жизненных] соков,
Протянулась рука, полная силы,
Силы, движимой возмущением
И превращенной в импульс движения.
Движение, быстрое, как молния,
Пронеслось к щеке и высекло из нее жар.
А жар, воспаляющий
Нервы, жжет ощущением боли,
Пропекает душу до самого основания.
Никто не захочет испытывать подобное чувство.
Пощечиной зовется это действие,
Но деятель науки назовет его преобразованием силы⁵⁵.

Несколько напугав трудностями, с которыми может столкнуться тот, кто решит анализировать понятия с историче-

⁵⁵ *Busch W. Balduin Bählamm, der verhinderte Dichter. Munich: Bassermann, 1883. Ch. 6.*

ской точки зрения, теперь мы должны отметить, насколько важен наш предмет как для науки, так и для философии. «Сила» – одно из основных понятий физики. Это первое нематематическое понятие, которое встретится читателю в большинстве учебников. Изучающий физику будет постоянно возвращаться к нему, читая разделы о силе тяготения, электромагнитной силе, силах трения и вязкости, когезионных и адгезионных силах, силе упругости и химических силах, наконец, силах молекулярных и ядерных. Если не прояснить и не подвергнуть критическому анализу эти понятия, легко можно поверить, что в центре современной физической науки стоит что-то мистическое или даже оккультное. Это хорошо понимал Чарльз Сандерс Пирс, пытаясь объяснить понятие силы с прагматической точки зрения: «[Сила] – это замечательное понятие, которое, будучи выработано в первой половине семнадцатого века из примитивной идеи причины и постоянно совершенствуясь вплоть до настоящего времени, показало нам, как следует объяснять все изменения движения, испытываемые телами, и как следует осмысливать все физические феномены; оно дало начало современной науке и изменило лицо планеты; оно, помимо своих специфических применений, сыграло основополагающую роль в направлении хода современной мысли и в продвижении современного социального развития. Поэтому стоит потратить определенные усилия для того, чтобы постичь его»⁵⁶.

⁵⁶ *Peirce C. S. Collected Papers / Hartshorne C., Weiss P. (Eds) Cambridge, MA:*

Действительно, началом современной науки можно считать тот момент, когда приходит ясное понимание, что такое механическая сила, и это понятие сознательно включается в основы физики как науки. Наука по Аристотелю и Птолемею была прежде всего системой геометрических и кинематических понятий. «Новая наука», напротив, основывалась на динамике Ньютона. Таким образом, критически осмыслить, насколько понятие силы важно для современной науки, — значит сделать очень важный шаг к пониманию того, как эта наука развивалась.

Но и это еще не все. Среди всех возможных базовых понятий физической науки «сила» занимает уникальное положение, так как она одна напрямую связана с понятием причины. Многие мыслители, прежде всего кантианцы, считали «силу» точным физическим выражением «причины» и понятия каузальности. Согласно такому взгляду, естественные науки привязывают все феномены природы к некоторым основаниям, постигают феномены как следствия этих оснований. Если проводить эту мыслительную операцию последовательно, то научную структуру этих оснований надо формулировать так, чтобы постоянно задействовать в них каузальность. Понятие вещества, таким образом, выводится из эмпирического применения принципа каузальности. Из сфор-

мированного таким образом понятия вещества, в свою очередь, выводятся конкретные причинно-следственные связи. Каузальность в ее связи с вещественностью называется «силой», а вещество, к которому относится действие этой силы, можно считать ее «носителем».

Из-за этой уникальности понятие силы подверглось серьезным нападкам позитивистов. Они полагали, что, устранив понятие силы из физики, можно освободить науку в целом от оков каузальности – «одного из самых упорных пережитков донаучного фетишизма».

И наконец, критическое рассмотрение понятия силы в его развитии составляет важную главу в истории идей, поскольку в нем отражается постоянная трансформация интеллектуальных установок на протяжении многих веков.

Перевод с английского Владимира Макарова

Понятие силы у Фрейда. Применение в физиологии и психологии ⁵⁷

Парадигма «силы» определяла для Фрейда базовую гипотезу, отразившись во всех его трудах, а многие из них пронизав насквозь. В настоящей статье я хотел бы остановиться на некоторых аспектах психоаналитической теории и практики, в которых дискурс силы нашел свое проявление. Сюда относятся:

- 1) изучение Фрейдом физиологии и его исследования в составе так называемой группы Гельмгольца;
- 2) такие его концепции, как «катарсис», «отреагирование», «вытеснение» и «конверсия», в контексте исследований истерии;
- 3) начала метапсихологии – от «Наброска психологии» (1895) до «Толкования сновидений» (1900);
- 4) место энергетического измерения в рамках психоаналитической теории влечений;
- 5) «экономический» ракурс метапсихологии и области его применения;

⁵⁷ Перевод выполнен по след. изданию: *Gödde G. Der Kraftbegriff bei Freud. Physiologische und psychologische Verwendungen // Brandstätter T., Windgätter C. (Hg.) Zeichen der Kraft. Wissensformationen 1800–1900. Berlin: Kadmos, 2008. S. 228–246.*

6) сравнение с использованием понятия силы у Ф. Ницше;

7) некоторые заключительные замечания о концепции силы и энергетических основах теории влечений у Фрейда.

1. Психология: учеба и исследовательская работа

Будучи абитуриентом, Фрейд прослушал научно-популярный доклад, посвященный – по ошибке приписывавшемуся Гёте – фрагменту «Природа», который в каком-то смысле содержит программу ранней немецкой натурфилософии. Этот гимн, возникающий из истоков романтической натурфилософии, ранее уже глубоко впечатлил таких великих естествоиспытателей, как Александр фон Гумбольдт, Карл Густав Карус, Рудольф Вирхов и Эрнст Геккель. Карус говорил о том, что исследователь в своей преданности природе чувствует себя «апостолом мирского евангелия»⁵⁸.

Натурфилософский гимн так сильно тронул Фрейда, все еще колебавшегося с выбором специальности, что он принял решение в пользу «изучения естественных наук»⁵⁹. Задним числом его встречу с этим гимном можно рассматри-

⁵⁸ См.: Hemecker W. W. Vor Freud. Philosophiegeschichtliche Voraussetzungen der Psychoanalyse. München; Hamden; Wien: Philosophia, 1991. S. 75 ff.

⁵⁹ Freud S. Die Traumdeutung // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 2/3. S. 443; Freud S. Selbstdarstellung // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 14. S. 34.

вать как последний аккорд в истории концепции «жизненной силы»⁶⁰, которая именно тогда была оттеснена на задний

⁶⁰ Понятие «жизненной силы» (*Lebenskraft*) было введено в 1774 году Фридрихом Казимиром Медикусом как третья субстанция наряду с «материей» и «душой». В сфере органического она опознавалась как источник всего движения, совершающегося без участия души, как, например, процессы обмена веществ, пищеварение, секреция, кроветворение, сердцебиение и кровообращение (см.: *Engels E.-M. Lebenskraft // Ritter J. (Hg.) Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 5. Darmstadt: Wiss. Buchges, 1980. Стб. 122–128; Asendorf Ch. Batterien der Lebenskraft. Zur Geschichte der Dinge und ihrer Wahrnehmung im 19. Jahrhundert. Weimar: Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften, 2002; Goldmann S. Von der «Lebenskraft» zum Unbewussten – Stationen eines Konzeptwandels der Anthropologie // Buchholz M.B., Gödde G. (Hg.) Macht und Dynamik des Unbewussten. Das Unbewusste. Bd. I. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2005. S. 125–152. Одним из первых сторонников концепции жизненной силы был Гердер, который таким образом хотел отмежеваться от механистических концепций Просвещения. В одном из ранних фрагментов Гердера находим пассаж: «Теперь посмотри вниз в темную бездну человеческой души, где ощущения зверя становятся ощущениями человека и как бы издали смешиваются с душой; загляни в бездну темных мыслей, из которых следом поднимаются влечения с аффектами и наслаждение (*Lust*) с отвращением (*Unlust*)» – *Herder J. G. Bruchstück von Baumgartens Denkmal (1769) // Herder J. G. Werke in zehn Bänden. Bd. 1: Frühe Schriften (1764–1772). Frankfurt/M.: Deutscher Klassiker Verlag, 1985. S. 685. А в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791) читаем: «Сколь достоверно знаю я, что мыслю, хотя и не знаю природы мыслительной силы, столь же достоверно чувствую я, что живу, хотя и природы жизненной силы тоже не знаю. Жизненная способность – прирожденная, органическая, генетическая, основание природных сил во мне, внутренний Гений моего существования» – *Гердер И. Г. Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. С. 184. Ретроспективно концепцию жизненной силы, которая так или иначе более полувека главенствовала в физиологии и антропологии, можно определить как «промежуточную парадигму» (*Lückenparadigma*), служившую для демаркации границ обеих ведущих парадигм – машинной теории органического (Декарт, Ламетри) и метафизики души (Шталь) – и временного заполнения***

план более новыми естественно-научными достижениями, такими как закон сохранения энергии и клеточная теория⁶¹. Во всяком случае изучение Фрейдом медицины (1873–1881) приходится на то время, когда завершилось господство романтической натурфилософской картины мира и совершился переход к позитивистской естественно-научной картине.

Решающим моментом, повлиявшим на его обращение к новой «биофизической» парадигме⁶², стал, по-видимому, прием двадцатилетнего Фрейда в физиологический институт Эрнеста Брюкке, которого он однажды назвал «величайшим авторитетом», когда-либо оказывавшим на него воздействие⁶³. Брюкке вместе с Гельмгольцем, Дюбуа-Реймоном и Карлом Людвигом основал тогда знаменитую группу физиологов, решительно выступившую против всякого витализма и финализма, влиятельного в естественных науках, и тем самым внесшую определяющий вклад в развенчание ро-

возникшего промежутка (ср.: *Engels E.-M.* Op. cit. Стб. 123).

⁶¹ Для успеха клеточной теории решающее значение имело то, что «сама клетка уже обладает всеми свойствами живого и должна считаться необходимой исходной точкой для построения любого организованного тела. Жизнь основана не столько на тотальности организма, сколько на как бы независимой жизни каждой отдельной клетки» – *Sonntag M.* Die Seele und das Wissen vom Lebenden. Zur Entstehung der Biologie im 19. Jahrhundert // *Jüttemann G. (Hg.)* Die Seele. Ihre Geschichte im Abendland. Weinheim: Psychologie Verlags Union, 1991. S. 306.

⁶² См.: *Sulloway F. J.* Freud, Biologe der Seele. Jenseits der psychoanalytischen Legende. Köln-Lövenich: Hohenheim, 1982.

⁶³ *Freud S.* Nachwort zur Frage der Laienanalyse // *Freud S.* Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 14. S. 290.

мантической натурфилософии и спекулятивной психологии. По замечанию А. Рабинбаха, эти физиологи обнаружили «в принципе силы ключ к законам органической и неорганической природы»⁶⁴. Они, по программной формулировке Дюбуа-Реймона и Брюкке, последовательно стремились доказать, что «в организме не действует никаких иных сил, кроме общих физико-химических; что там, где объяснение с их помощью остается пока недостаточным, нужно посредством физико-математического метода либо отыскивать способ их действия в каждом конкретном случае, либо предполагать наличие новых сил, которые, будучи одного свойства с физико-химическими, присущи материи и всегда сводятся только к отталкивающим или притягивающим факторам»⁶⁵.

Как излагает Брюкке в своих «Лекциях по психологии» (1874), организмы – в том числе человеческий организм – приводятся в движение силами, которые, в соответствии со сформулированным Гельмгольцем законом сохранения силы, остаются постоянными. При этом различие проводится между механическими, электрическими, магнитными силами, светом и теплом. Затем Брюкке собрал воедино все, что на тот момент было известно о превращении и

⁶⁴ *Rabinbach A. Motor Mensch. Kraft, Ermüdung und die Ursprünge der Moderne / Übers. von E. M. Vogt. Wien: Turia + Kant, 2001. S. 65.*

⁶⁵ Цит. по: *Bernfeld S. Freuds früheste Theorien und die Helmholtz-Schule // Bernfeld S., Cassirer Bernfeld S. (Hg.) Bausteine der Freud-Biographik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1981. S. 62 f.*

взаимодействии физических сил в живом организме⁶⁶. Такие новые концепции, как «единство наук», «естествознание» (*Naturwissenschaft*), «физико-химические силы», являлись не только «гипотезами, необходимыми для научных исследований»; они превратились во что-то вроде предметов культа⁶⁷. Герман фон Гельмгольц со своими «популярными научными докладами» стал одним из «красноречивейших проповедников евангелия силы»⁶⁸.

Молодой Фрейд относился к верным приверженцам физикалистской физиологии, составлявшей тогда центр «трансцендентального материализма»⁶⁹. В институте Брюкке он в течение пяти лет занимался гистологическими исследованиями над низшими видами рыб и речными раками. Он бы охотно там и остался, чтобы сделать университетскую карьеру исследователя-физиолога. Однако из-за отсутствия благоприятных возможностей продвижения в физиологическом институте и тяжелого материального положения ему пришлось отказаться от такого плана. Вместо этого с 1882 года он проходит медицинскую подготовку в *Венской общей больнице*, специализируясь на невропатологии.

В контексте физиологических изысканий Фрейда показательно, что с 1884 по 1887 год он занимался исследованием

⁶⁶ Ibid. S. 63 f.

⁶⁷ Ibid. S. 69.

⁶⁸ Цит. по: *Rabinbach A. Op. cit. S. 71.*

⁶⁹ Ibid. S. 59 ff.

возможных областей терапевтического применения кокаина⁷⁰. В первой работе на эту тему, «О коке» (1884), в которой речь идет о «неоднократных опытах на себе и других», он высказал убежденность в «замечательном стимулирующем воздействии коки». Психическое воздействие заключается в «улучшении настроения и продолжительной эйфории. <...> Ощущается повышение самообладания, ты ощущаешь себя энергичнее и работоспособнее». Более того – и даже прежде всего, – кокаин оказывает стимулирующее воздействие на физическую силу: «При совершении длительной интенсивной умственной или мышечной работы не наступает усталость. Потребность в пище или сне, обычно настоятельно заявляющая о себе в определенные часы, как рукой снимает. <...> Я около десятка раз испробовал на самом себе это воздействие коки, защищающее от голода, сна и усталости и закаляющее для умственной работы; случая для выполнения физического труда мне не представилось»⁷¹.

Во второй работе – «Сведения о воздействии коки» (1885) – Фрейд вышел за границы метода наблюдения за собой и окружающими. Субъективные симптомы воздействия кокаина у разных людей оказывались совершенно различными, поэтому теперь он попытался исследовать его объективны-

⁷⁰ См.: *Reicheneder J. G.* Zum Konstitutionsprozeß der Psychoanalyse. Stuttgart; Bad Cannstatt: from-mann-holzboog, 1990. S. 90 ff.; *Hirschmüller A.* Einleitung // *Freud S.* Schriften über Kokain. Aufgrund der Vorarbeiten von P. Vogel. Frankfurt/M.: Fischer, 1996. S. 9–40.

⁷¹ *Freud S.* Schriften über Kokain. S. 59 ff.

ми методами. «От объективного метода измерения я к тому же ожидал, что он проявит для меня ббольшую однородность воздействия кокаина»⁷². Для измерения «двигательной силы определенной группы мышц» он воспользовался динамометром. Этот прибор представлял собой металлическую пружину, которая при сжатии перемещает стрелку по делениям шкалы. «Вскоре я стал испытывать доверие к показаниям динамометра, так как установил, что результаты сжатия, особенно максимальные, в высокой мере независимы от воли совершающего сжатие, а способ приложения усилия может вызвать лишь немногие и незначительные изменения»⁷³.

Фрейд представил свои динамометрические данные в форме таблиц и пришел к выводу, что существуют закономерные суточные колебания, при том что по дням имеются заметные различия. При всех условиях кокаин вызывал «весьма существенное повышение двигательной силы <...> которое сохранялось около пяти часов»⁷⁴. Это исследование, нацеленное на объективацию физической силы с помощью динамометра – метод, широко распространенный в XIX веке⁷⁵, – осталось единственным экспериментальным психо-

⁷² Ibid. S. 90.

⁷³ Ibid. S. 91.

⁷⁴ Ibid. S. 93.

⁷⁵ По историографии динамометра см.: *Hirschmüller A.* Dynamometrie. Zur Messung der Körperkraft des Menschen im 19. Jahrhundert // N. T. M. Bd. 5. Basel: Birkhäuser, 1997. S. 104–118; *Windgätter Ch.* Kraft Räume. Aufstieg und

физиологическим изысканием Фрейда. В этой связи примечательно, что и Ницше в конце 1880-х годов эксплицитно опирался на измерения динамометра⁷⁶.

2. Исследования истерии

Когда Фрейд в 1885 году завершил свою клиническую подготовку с апробацией по невропатологии, а также получил приват-доцентуру в этой области, он все еще оставался типичным представителем *органической медицины*. Затем он получил стипендию на прохождение стажировки в Париже. Четырехмесячное пребывание (1885/86) у Шарко, знаменитого невролога из клиники Сальпетриер, ознаменовало поворот от неврологии к психологии и психотерапии: как на уровне предмета – изучения истерии и неврозов, так и на уровне методов – клинического описания и классификации, а также применения гипноза⁷⁷. С момента открытия в 1886 году неврологической частной практики, в рамках которой Фрейд более пятидесяти лет занимался психотерапией, его каждодневной задачей стало лечение нервных заболеваний. Из-за неудовлетворительных результатов терапии в

Fall der Dynamometrie // Brandstatter T., Windgätter C. (Hg.) Zeichen der Kraft. Wissenschaften 1800–1900. Berlin: Kadmos, 2008.

⁷⁶ Windgätter Ch. Krafträume. Aufstieg und Fall der Dynamometrie.

⁷⁷ Ср.: Gödde G. Charcots neurologische Hysterietheorie – vom Aufstieg und Niedergang eines wissenschaftlichen Paradigmas // Luzifer Amor. 1994. Bd. 7. № 14. S. 7–53.

1887 году он провел первые терапевтические опыты с «гипнотическим внушением», а в 1889 году переключился на метод, который его коллега и наставник Йозеф Брейер несколькими годами раньше применил в знаменитом случае Анны О. В оригинальной истории болезни, записанной Брейером в 1882 году, целительное воздействие терапии, которую сама пациентка охарактеризовала как «лечение разговорами» (*talking cure*), было описано⁷⁸ в таких формулировках, как «выговориться» (*wegerzählen*)⁷⁹, «снять все это разговором» (*die Sachen heruntersprechen*), «прочистка дымохода» (*chimney sweeping*) и «устранить психические раздражения»⁸⁰. Когда Брейер и Фрейд в «Исследованиях истерии» вновь обратились к этому случаю и попытались осмыслить его в рамках первой теории истерии, они назвали этот лечебный фактор «катарсисом»⁸¹.

К набору симптомов истерии относятся истерические припадки, двигательные расстройства (параличи, абазия и астазия), нарушения чувствительности (расстройства зре-

⁷⁸ О катартической терапии см.: *Reicheneder J. G.* Sigmund Freud und die kathartische Methode Joseph Breuers // *Jahrbuch der Psychoanalyse*. Bd. 15. 1983. S. 231; *Reicheneder J. G.* Zum Konstitutionsprozeß der Psychoanalyse. S. 319 ff.

⁷⁹ Цит. по: *Hirschmüller A.* Dynamometrie. S. 357.

⁸⁰ *Ibid.* S. 360 f.

⁸¹ См.: *Gödde G.* Therapeutik und Ästhetik – Die kathartische Therapie Breuers und Freud und ihre Verbindungen zur medizinischen Katharsis-Deutung von Jacob Bernays // *Musalek M., Poltrum M.* (Hg.) *Ars Medica. Zu einer neuen Ästhetik in der Medizin*. Berlin: Parador, 2010. S. 181–214.

ния, анестезии) и восприятия. Исходный момент для возникновения истерических симптомов Брейер и Фрейд видели в «психической травме», под которой понималось переживание, вызывающее мучительные аффекты, такие как страх, стыд, отвращение, печаль и т. д.

Как вторую предпосылку они рассматривали недостаточное «отреагирование» (*Abreaktion*). Если травматически обусловленные аффекты оказываются сглажены облегчающим разговором, эмоциональной разрядкой вроде плача и смеха или актом мести, то значительная часть аффекта исчезает. Если же, напротив, реакция оказывается подавлена, то аффект сохраняет связь с воспоминанием. «Оскорбление, на которое удалось ответить, хотя бы и на словах, припоминается иначе, чем то, которое пришлось стерпеть. <...> реакция пострадавшего на травму имеет „катартическое“ воздействие лишь в том случае, если она является реакцией адекватной, подобно мести»⁸².

Это предположение Фрейд и Брейер обосновывали тем клиническим наблюдением, что истерические симптомы всегда оказывались устранимы в случаях, «когда удавалось со всей ясностью воскресить в памяти побудительное событие, вызывая тем самым и сопровождавший его аффект, и когда пациент по мере возможности подробно описывал это

⁸² Freud S. Studien über Hysterie (ohne Breuers Beiträge) // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 1. S. 87. Рус. пер.: Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии (пер. С. Панкова) // Фрейд З. Собрание сочинений: В 26 т. Т. 1. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2005. С. 22–23.

событие и выражал аффект словами»⁸³. Здесь можно провести параллель с описанной Ницше динамикой ressentiment, в которой также отсутствует «подлинная реакция»⁸⁴.

Третий фактор проиллюстрирован в «Исследованиях истории» показательным примером. Пациентка Люси Р. страдала от мучительных субъективных обонятельных ощущений, непрерывно ее преследовавших. Во время терапии ощущение запаха подгоревшего пирога удалось связать с внутренним конфликтом: она хотела отказаться от места гувернантки, так как не в силах была дольше оставаться в доме своего хозяина, но испытывала сильную привязанность к очаровательным детям, которым хотела заменить умершую мать. И как раз в момент актуализации этого конфликта произошел досадный случай – у нее подгорел пирог. То, что вспомнилось пациентке в дальнейшем, позволило увидеть более глубинный конфликт. Люси влюбилась в своего хозяина, не имея шансов на исполнение своего желания, но и не обладая мужеством признать себе в этом любовном желании и связанном с ним разочаровании. Она точно описала свою стратегию, бессознательно выбранную для разрешения этого внутреннего конфликта: «Я же об этом не знала или, лучше сказать, знать об этом не хотела, старалась выкинуть это из головы»⁸⁵. Речь шла о типичном случае «вытесне-

⁸³ Фрейд З., Брейер Й. Указ. соч. С. 20.

⁸⁴ См. работу Ф. Ницше «Генеалогия морали».

⁸⁵ Фрейд З., Брейер Й. Указ. соч. С. 146.

ния». Несовместимое с Я представление «не уничтожается, а попросту вытесняется в бессознательное». Таким образом «возникает ядро и центр кристаллизации отделенных от Я психических групп, вокруг которого в дальнейшем концентрируется все то, что можно было бы принять лишь ценой примирения с противоречащим представлением»⁸⁶.

Позднее Фрейд выдвинул гипотезу, что вытесненное оказывает постоянное давление «в направлении сознания, в противовес которому должно поддерживаться непрерывное обратное давление», так что экономически снятие вытеснения означает «сбережение сил»⁸⁷.

Наконец, исходный момент психической травмы, не «отреагированный» аффект и центральную динамику вытеснения Фрейд дополнил четвертым этиологическим фактором – преобразованием психического аффекта в соматику, которое он называл «конверсией»⁸⁸. Согласно этому положению, истерический симптом формируется за счет того, что энергия душевного процесса не допускается до сознательной переработки и перенаправляется в телесную иннервацию. Излечение катартическим методом происходит тогда посредством припоминания и повторного переживания пси-

⁸⁶ Там же. С. 153.

⁸⁷ Freud S. Die Verdrängung // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 10. S. 253 f.

⁸⁸ Freud S. Die Abwehrneuropsychosen // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 1. S. 63.

хической травмы с прекращением вытеснения, что со своей стороны делает возможным освобождение и отреагирование сдержанных и подавленных аффектов.

В клиническом контексте исследований истерии здесь существенно то, что Фрейд и Брейер тогда еще целиком оставались во власти нейрофизиологии. Это можно увидеть, например, по следующему высказыванию: «в психических функциях следует различать нечто (величина аффекта, сумма возбуждений), имеющее все свойства количества – хотя мы и не обладаем средствами для его измерения, – нечто, способное к увеличению, уменьшению, смещению (*Verschiebung*) и разрядке (*Abfuhr*) и распространяющееся через следы представлений в памяти, примерно как электрический заряд по поверхностям тел. Эту гипотезу, которая, между прочим, уже положена в основу нашей теории „отреагирования“ <...> можно применять в том же духе, как это делают физики с предположением о токе электрического флюида. Пока что оно оправдано как пригодное для обобщения и объяснения различных физических состояний»⁸⁹.

3. Начала метапсихологии

Параллельно с клинико-терапевтическим изучением неврозов Фрейд работал над вторым проектом, позднее по-

⁸⁹ Freud S. Die Abwehrneuropsychosen. P. 74.

лучившим название «метапсихологии» и нацеленным на построение общей теории психики⁹⁰. Целью Фрейда было «проследить, как оформится функциональное учение о психике, если ввести в него квантитативное наблюдение, своего рода экономику нервной силы»⁹¹. Работа над этим проектом, который Фрейд называл своим «тираном», месяцами омрачалась для него неуверенностью в себе, но вот в 1895 году он пишет своему берлинскому другу Вильгельму Флиссу:

«В одну из полных усердия ночей <...> внезапно пали все преграды, опустились покровы, и стало видно все насквозь от деталей невроза до условий сознания. Все казалось сцепленным одно с другим, шестеренки подходили друг к другу, возникло впечатление, будто эта штука – и правда машина, которая скоро заработает сама по себе. Три системы нейронов, свободное и связанное состояние количества, первичный и вторичный процесс, пара биологических правил внимания и защиты, знаки качества, реальности и мышления, состояние психосексуальной группы – сексуальность как предпосылка вытеснения и, наконец, условия сознания как функции восприятия – все это соответствовало

⁹⁰ Метапсихология служила для преодоления метафизики и оказывалась, таким образом, на территории, на которую традиционно притязали философия и теология. Ср.: *Göddle G. Freud und seine Epoche. Philosophischer Kontext // Lohmann H.-M., Pfeiffer J. (Hg.) Freud-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2006. S. 16 ff.*

⁹¹ *Freud S. Briefe an Wilhelm Fließ 1887–1904 / Masson J. M. (Hg.). Frankfurt/M.: Fischer, 1986. S. 130.*

одно другому, соответствует и сейчас! Я, конечно, не могу опомниться от радости»⁹². Результатом этих теоретических усилий стал «Набросок психологии», в рукописи посланный Фрейдом Флиссу в октябре 1895 года, однако опубликованный лишь в 1950 году⁹³.

Уже вскоре после написания «Наброска» Фрейд дистанцировался от своей нейропсихологически ориентированной модели аппарата, а позднее полностью от нее отказался. Однако «Набросок» предвосхитил важные аспекты позднейшей метапсихологии, такие как принцип постоянства и принцип удовольствия, первичный и вторичный процессы или бессознательная и предсознательная психические актив-

⁹² Ibid. S. 149 f.

⁹³ Этот набросок следует читать в материалистическом контексте. Здесь можно провести линию от Декарта через французского просветителя Ламетри к механистическому материализму XIX века. Сопоставления, проведенные между базовыми концепциями Гербарта и Фрейда – «психического механизма» как построенной по типу физического образования «машины» и, соответственно, «аппарата», продемонстрировали заметное сходство (см.: *Dorer M. Historische Grundlagen der Psychoanalyse. Leipzig: Meiner, 1932; Hemecker W. W. Op. cit.*). Удалось также показать, что психофизические принципы стабильности и удовольствие/неудовольствие (*Lust/Unlust*) Г. Т. Фехнера послужили базой для основных экономических предположений Фрейда о принципах постоянства и удовольствия (см.: *Wegener M. Das psychophysische Unbewusste – Gustav Theodor Fechner und der Mond // Buchholz M. B., Gödde G. (Hg.) Macht und Dynamik des Unbewussten. Das Unbewusste. Bd. I. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2005. S. 240–261*). Непосредственной моделью для «Наброска» Фрейда мог стать опубликованный в 1894 году учеником Брюкке Зигмундом Экснером «Набросок физиологического объяснения психических явлений», содержавший учение о нейронах как материальных носителях психики.

ности, и таким образом произвел «мощный эвристический эффект на всю психологическую мысль Фрейда»⁹⁴. Затем в «Толковании сновидений» Фрейд сконструировал «психический аппарат», гомологичный физиологическому аппарату нервной системы. Отныне он говорил о психических (а не физиологических) энергиях, о психическом (а не физиологическом) принципе постоянства, о психической (а не анатомической) топике. Этот совершенный в «Толковании сновидений» поворот, однако, вовсе не означал, что Фрейд полностью отказался от своих прежних представлений, основанных на механистической модели. Напротив, используемые там понятия, аналогии и метафоры позволяют увидеть, что его модель аппарата психики принципиально оставалась во власти представлений материалистически ориентированной мыслительной традиции, хотя и постепенно подвергалась изменениям.

4. Место энергетического измерения в рамках психоаналитической теории влечений

В срединной фазе создания своей теории, примерно с 1905 по 1911 год, Фрейд подвел под свою изначально чисто психологическую концепцию бессознательного фундамент теории влечений. В «Трех очерках по теории сексуаль-

⁹⁴ *Sulloway F. J. Op. cit. P. 182.*

ности» (1905) он ввел как понятие «влечение», так и дифференциацию между источником, напором (*Drang*), целью и объектом влечения⁹⁵:

- *источником* влечения объявляется соматический процесс в каком-то органе;
- *напор* связывается с моментом давления как количественным фактором и означает «постоянную силу», от которой, в отличие от «одномоментной ударной силы» внешних раздражений, нельзя уклониться;
- *цель* влечений есть снятие или снижение напряжения, вызванного раздражениями; и, наконец,
- *объект* – это то, посредством чего влечение стремится достигнуть своей цели.

С психологической и антропологической точек зрения фрейдовская теория влечений содержит послание: в психике человека есть «момент динамизма» или «энергетика», которая существенно ограничивает автономию воли resp. сознания⁹⁶.

При попытке более пристально взглянуть на понятие «психической энергии» обнаруживаются три фоновые модели, из которых Фрейд позаимствовал основную идею своей

⁹⁵ Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 5. S. 67 f. См.: Freud S. Triebe und Triebchicksale // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 10. S. 214 f.; Laplanche J., Pontalis J.-B. Das Vokabular der Psychoanalyse. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1975. S. 525 ff.

⁹⁶ См.: Ricœur P. Die Interpretation. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1969.

энергетической модели⁹⁷.

Первая модель восходит к нейропсихологии: Фрейд хотя и отказался от прямой опоры на нейропсихологию в «Толковании сновидений», однако сохранил идею заполнения (захват или катексис – *Besetzung*) и разрядки (*Abfuhr*). При этом невозможно было не заметить неясностей и противоречий: если энергия влечения исходит из соматических источников, то как же она затем становится психической энергией, проникая в психический аппарат; и как, если речь идет о разрядке энергии влечения, которая должна происходить посредством действий влечения, психическая энергия во время «разрядки» снова становится физической или даже нейрофизиологической?

Вторая модель позаимствована из гидродинамики: из этого источника происходит идея заполнения и контрзаполнения (катексис-антикатексис, захват-противодействие – *Besetzung-Gegenbesetzung*), образ борьбы между двумя жидкостями или представление о «более спокойном» потоке (нейтрализованной) энергии «Я» во «вторичном процессе». О психической энергии говорится так, как если бы это была невесомая жидкость с присущей ей собственной природой; жидкость, которой свойственна определенная направленность; жидкость, у которой может быть изменена ее при-

⁹⁷ См.: König W. Zur Neuformulierung der psychoanalytischen Metapsychologie: vom Energie-Modell zum Informations-Konzept // Mertens W. (Hg.) Neue Perspektiven der Psychoanalyse. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Kohlhammer, 1981. S. 5 ff.

рода; жидкость, которая может быть накоплена, выплеснута, перемещена и т. д. Сегодня существует широкое согласие относительно того, что психическая энергия не может претендовать на статус научного понятия и что речь в ее случае идет о «fluid-flow-metapher»⁹⁸.

Третья модель происходит из области механики: несложно заметить, что на Фрейда сильно повлияли представления ньютоновской механики и особенно данное там определение понятия силы. Но, опять же, уже в конце XIX века в естественных науках начинался парадигматический сдвиг. Филипп Франк, представитель венского логического эмпиризма, оглядываясь назад, пишет о дискуссиях 1907 года: «Мы осознавали постепенное угасание веры в способность механистической науки в конце концов охватить все наши наблюдения»⁹⁹. В этой связи Саллоуэй говорит о том, что на смену «биофизической» пришла «биогенетическая» модель¹⁰⁰. Биогенетическую окраску, по Саллоуэю, имеют фрейдовские теории инфантильной сексуальности, психосексуального развития, влечений, органического вытеснения, фиксации и регрессии – и, таким образом, «все динамико-генети-

⁹⁸ Ibid. P. 89 ff.

⁹⁹ Цит. по: Rudolf K. (Hg.) Das goldene Zeitalter der Österreichischen Philosophie. Wien: Wiener Universitätsverlag, 1995. S. 247.

¹⁰⁰ В контексте истории науки в связи с этим переходом можно назвать теории эволюции Дарвина и Ламарка, всплеск исследований по сексологии, а также современную педиатрию и психологию развития.

ческое ядро психоаналитической теории»¹⁰¹. В целом можно сказать, что опора на физиологию и физику преимущественно поддерживает машинную модель психики, в то время как опора на биологию и теорию эволюции – органическую модель.

Введя в своем позднем творчестве инстанцию «Оно», Фрейд охарактеризовал ее как «большой резервуар» либидо¹⁰² и сравнил с «котлом, полным бурлящих возбуждений»¹⁰³, чтобы таким образом проиллюстрировать резкие конфликты между влечениями и, как результат, накопление и возможную разрядку энергий: «От влечений Оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обладает общей волей, проявляя лишь стремление удовлетворить инстинктивные потребности (потребности влечений – *Triebbedürfnisse*) при соблюдении принципа удовольствия. <...> Противоположные побуждения существуют друг подле друга, не отменяя и не ослабляя друг друга, в лучшем случае они объединяются в компромиссные образования <...> Инстинктивные побуждения, требующие разрядки, полага-

¹⁰¹ Sulloway F. J. Op. cit. S. 571.

¹⁰² Freud S. Selbstdarstellung // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 14. S. 258.

¹⁰³ Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 15. Рус. пер.: Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл (пер. М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева). М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 501.

ем мы, – вот все, что находится в Оно»¹⁰⁴.

Как указал Бутцер, у позднего Фрейда ввиду изменений, внесенных в теорию влечений, больше не обнаруживается «простого и чисто механистического отождествления влечения, энергетического уровня и удовольствия-неудовольствия»¹⁰⁵, при том что теперь можно распознать (хотя и по-прежнему с сохранением экономико-энергетических формулировок) усиление внимания к историческим (генетическим) влияниям в связи с конституцией влечений. Однако, по Бутцеру, этого историзма в обосновании влечения не отметил никто из критиков, полагающих, что Фрейд лишь с незначительными изменениями воспроизвел идеи Гельмгольца и Брюкке, а потому от теории влечений следует отказаться как от «неприемлемо механистической теории» и «анахронизма по ту сторону всякой надежды на реабилитацию»¹⁰⁶.

5. «Экономическая» перспектива метапсихологии и области ее применения

С 1911 по 1917 год Фрейд написал ряд метапсихологических сочинений: «К введению в нарциссизм», «Влечения и

¹⁰⁴ Там же. С. 501–502.

¹⁰⁵ *Sulloway F. J.* Op. cit. S. 556.

¹⁰⁶ *Butzer R. J.* Trieb // *Mertens W., Waldvogel B. (Hg.) Handbuch psychoanalytischer Grundbegriffe.* Stuttgart: Kohlhammer, 2000. S. 739.

судьбы влечений», «Вытеснение», «Бессознательное». Они служили «прояснению и углублению теоретических взглядов, которые можно было бы положить в основу психоаналитической системы»¹⁰⁷. Всякий психический процесс предлагалось здесь рассматривать с динамической, экономической и топической позиций:

– *динамическим* является рассмотрение игры сдерживающих или стимулирующих друг друга сил;

– *экономическим* является приписывание влечениям квантифицируемых порядков энергий, а психическому аппарату, в свою очередь, – тенденции к избеганию «затора» таких энергий и восстановлению их «потока»;

– *топическим* является представление о психическом аппарате как о сложносоставной пространственно протяженной вещи, с различными подсистемами которой (сознание, предсознание и бессознательное или Оно, Я и Сверх-Я) могут быть соотнесены душевные процессы¹⁰⁸.

Количественная или экономическая перспектива, помимо уже упомянутых сочинений, играла важную роль также в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному». Такие феномены, как остроты, смех, юмор и комическое, характеризуются определенной экономикой расходования ду-

¹⁰⁷ Freud S. Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 10. S. 412 (Anm. 1).

¹⁰⁸ Freud S. Psycho-Analysis // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 14. S. 302.

шевной энергии – это или экономия энергии, или ее разрядка. То и дело здесь возникает формула «сбереженных затрат силы».

Функционирование психического аппарата Фрейд постоянно описывает в экономических выражениях, таких как игра заполнений (*Besetzungen*), вычет заполнений, контрзаполнения, сверхзаполнения. Для него не может существовать полноценного описания психического процесса, пока полностью не определяема экономика заполнений¹⁰⁹.

В клиническом контексте энергетические представления особенно значимы в «работе скорби», в психотических атаках, в нарциссических феноменах, подобных ипохондрии или влюбленности, и вообще в связи с регуляцией нарциссического равновесия resp. в распределении нарциссического и объектного либидо в рамках второй теории влечений.

В так называемых сочинениях по теории культуры у Фрейда изначально важное место занимал антагонизм между охваченной влечениями природой и вытесняющей влечения культурой. В трактате «„Культурная“ сексуальная мораль и современная нервозность» он решительно выступил против требования максимального обуздания влечений, выводимого из христианской религии. Через замещение сексуальных энергий культурными целями, «сублимацию», культурная работа, конечно, получает в свое распоряжение «силы невероятных размеров». Но этот процесс замещения,

¹⁰⁹ Laplanche J., Pontalis J.-B. Op. cit. S. 357 ff.

несомненно, не может продолжаться безгранично – точно так же как превращение тепла в механическую работу в наших машинах. Какая-то мера прямого полового удовлетворения представляется необходимой для подавляющего большинства, и отказ от этой индивидуально варьирующей меры карается явлениями, которые из-за их функционального вреда и субъективно неприемлемого характера мы должны причислить к болезненным состояниям¹¹⁰.

Идею, что неврастения является болезнью цивилизации *par excellence*, следует рассматривать в контексте тогдашней психиатрической критики цивилизации. Однако, постулируя сексуальную этиологию неврастения, Фрейд открыл возможность, помимо одних лишь наследственных, учитывать также социальные и культурные факторы ее возникновения¹¹¹. Даже если нельзя надеяться когда-либо преодолеть антагонизм природы и культуры, важной задачей остается «найти целесообразный, т. е. приносящий счастье, баланс между этими индивидуальными притязаниями и культурными требованиями масс; одна из его [человечества] судьбоносных проблем состоит в том, достигим ли такой баланс с помощью определенной организации культуры – или это

¹¹⁰ Freud S. Die «kulturelle» Sexualmoral und die moderne Nervosität // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 7. S. 150 f.

¹¹¹ Roelcke V. Krankheit und Kulturkritik. Psychiatrische Gesellschaftsdeutungen im bürgerlichen Zeitalter (1790–1914). Frankfurt/M.; New York: Campus, 1999. P. 189.

непримиримый конфликт»¹¹².

Для Фрейда неврастения является выражением отчуждения от «естественных» потребностей влечения – динамика, которая, однако, вместо того чтобы сознательно восприниматься и преодолеваться, вытесняется и, таким образом, становится причиной неврозов. При этом упускается из виду «самый значимый из этиологически действенных моментов», а именно «вредоносное подавление половой жизни у культурных народов»¹¹³.

Военные неврозы и в целом травматические неврозы Фрейд также рассматривал в экономическом аспекте, полагая, что они вызваны слишком интенсивным шоком, волной возбуждения, пережестывающей возможности отдельного человека.

В психологии масс у Фрейда также находит применение энергетика заражения и внушаемости, посредством которой высвобождаются подавленные аффекты и скопившиеся энергии.

6. Сопоставление с использованием понятия силы у Ницше

Уже у Ницше тематика физиологических, механических

¹¹² *Freud S. Das Unbehagen in der Kultur // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1997. Bd. 14. S. 260*

¹¹³ *Freud S. Die «kulturelle» Sexualmoral. S. 148.*

и психических сил в физиологически укорененных судьбах влечений и в телесной сфере стала путеводной нитью для мысли¹¹⁴. Болезнь и Ницше, и Фрейд возводили к тому, что важные аффекты и влечения сдерживаются, подавляются с позиции культуры и тем самым лишаются своего естественного силового потенциала. Следуя концепции Роберта Майера (1876), согласно которой в организме непрерывно образуется сила, то и дело требующая «высвобождения» (*Auslösung*), Ницше подчеркивал, что человечеству больше всего навредили не сами эти высвобождения, а динамика «предотвращенного освобождения»¹¹⁵. Фрейд в связи с лечением истерии говорил о неотреагированных накопившихся аффектах; при этом адекватная реакция позволила бы дать аффектам катартическую разрядку и таким образом вы-

¹¹⁴ О значении понятия силы у Ницше см.: *Schipperges H.* Am Leitfaden des Leibes. Zur Anthropologik und Therapeutik Friedrich Nietzsches. Stuttgart: Klett, 1975; *Bauer M.* Zur Genealogie von Nietzsches Kraftbegriff. Nietzsches Auseinandersetzung mit J. G. Vogt // *Nietzsche-Studien. Internationales Jahrbuch für die Nietzsche-Forschung.* Bd. 13. Berlin; New York: de Gruyter, 1984. S. 211–227; *Vincens A.* Friedrich Nietzsches Instinktverwandlung. Basel: Schwabe & Co, 1999; *Christians I.* Kraft // *Ottmann H. (Hg.) Nietzsche-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung.* Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. S. 264–265; *Christians I.* Reiz und Sporn des Gegensatzes. Zu Friedrich Nietzsches Konzeption der Kraft. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002.

¹¹⁵ Об учении Майера о «сохранении силы» и его концепции «освобождения» см.: *Mittasch A.* Nietzsches Naturbegriff // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.* Jg. 1950. 2. Abt. Heidelberg: Springer, 1950; *Schäfer A., Vogl J.* Feuer und Flamme. Über ein Ereignis des 19. Jahrhunderts // *Schmidgen H et al. (Hg.) Kultur im Experiment.* Berlin: Kadmos, 2004. S. 191–209.

свободить ценные силы. Оба выступали против отрицания свойственных человеку тенденций к агрессивным и деструктивным влечениям, а также реабилитировали эрос, причем они не хотели обходиться одним только удовлетворением влечений, но видели в частичном переносе (*Verschiebung*) энергий влечения в область духовного – оба в этой связи говорили о «сублимации» – высокую форму жизнеутверждения. Не умерщвление влечения, но формовка, выстраивание влечения! – такова формула освобождения у Ницше. Фрейд также выступал против отрицания влечений или тем более умерщвления влечений а-ля Шопенгауэр и в своем позднем творчестве сформулировал программное требование: «Где было Оно, должно стать Я»; при этом он сравнивал Оно с «бурлящим котлом влечений», а его культивацию – с «осушением Зейдер-Зе»¹¹⁶.

Но все же между Ницше и Фрейдом¹¹⁷ – в том числе и даже в особенности в связи с парадигмой силы – имеются отчетливые различия¹¹⁸. В развитии установок обоих мыслите-

¹¹⁶ Freud S. Neue Folge der Vorlesungen... S. 80, 86.

¹¹⁷ В связи с сопоставлением Ницше и Фрейда см.: Assoun P.-L. Freud and Nietzsche / Transl. R. L. Collier. London; New York: Continuum, 2002; Gasser R. Nietzsche und Freud. Berlin; New York: de Gruyter, 1997; Gödde G. Traditionslinien des «Unbewußten». Schopenhauer – Nietzsche – Freud. Tübingen: Edition diskord, 1999; Gödde G. Die Öffnung zur Denkwelt Nietzsches – eine Aufgabe für Psychoanalyse und Psychotherapie // Psychoanalyse – Texte zur Sozialforschung. Bd. 4. № 7. Lengerich: Pabst, 2000. S. 91–122.

¹¹⁸ Конечно, важная тому причина – то, что Ницше в 1889 году «впал в помешательство», тогда как у Фрейда на тот момент впереди было еще пятьдесят лет

лей по отношению к физиологии можно обнаружить смену направления. Ницше разрабатывал «разоблачительную психологию», пока ему не открылась перспектива новой «физиопсихологии», которая в конце концов вылилась в физиологизм. Фрейд, напротив, отдалился от физиологии, еще какое-то время ориентировался на нейрофизиологическую психологию, чтобы в «Толковании сновидений» предъявить чистую психологию бессознательного; но в итоге он не оставлял проекта наведения мостов между неврологией и психологией; эти его исследования нашли продолжение в современном дискурсе нейронаук¹¹⁹.

7. О концепции силы и энергетических основаниях метапсихологии Фрейда

В завершение я хотел бы сделать еще несколько замечаний о концепции силы и энергетических основаниях фрейдовской метапсихологии.

1. Власть бессознательного виделась Фрейду находящейся в полном расхождении с романтизмом, в основополагающих

интеллектуальной активности; он умер в 1939 году. Можно, с одной стороны, спрашивать, насколько глубоко Ницше был вовлечен в тогдашний дискурс силы и насколько активно он мог заниматься его критическим освоением; а с другой стороны – можно ли в творчестве Фрейда распознать моменты более решительного дистанцирования от парадигмы силы XIX века.

¹¹⁹ См.: *Solms M. Sigmund Freud heute. Eine neurowissenschaftliche Perspektive auf die Psychoanalyse // Psyche. 2006. № 60. S. 829–859.*

влечениях к самосохранению и сохранению вида, общих для человека и животного, а не в специфически человеческих чувствах и устремлениях¹²⁰. В обоих этих пунктах – в естественно-научно-биологическом обосновании образа человека и в акцентировании демонического в природе – Фрейд в куда большей мере оказывается философом жизни с шопенгауэрианскими и ницшеанскими корнями, чем романтическим натурфилософом¹²¹. Характеристики «воли» у Шопенгауэра вплоть до отдельных формулировок совпадают с фрейдовским Оно, и сходным же образом сопоставимы Я у Фрейда и «интеллект» у Шопенгауэра.

2. Квази-естественно-научная претензия Фрейда была нацелена на обнаружение «объективной истины»¹²², при том что он в духе теории корреспонденций придерживался понятия истины как соответствия реальному внешнему миру и рассматривал науку как единственный гарант истины. У него выходило, что истина не может быть терпимой, она не допускает никаких компромиссов и ограничений, что исследование рассматривает все области человеческой деятельности как свою вотчину и должно становиться неумолимо критичным, если какая-либо другая сила пытается конфисковать

¹²⁰ См.: Pongratz L. J. *Problemgeschichte der Psychologie*. München: Francke, 1984. S. 205.

¹²¹ См.: Gödde G. *Traditionslinien des «Unbewußten»*. S. 582 ff.

¹²² Freud S. *Neue Folge der Vorlesungen...* S. 190.

некую ее часть¹²³.

Здесь возникает первая отправная точка для критики – взятие под сомнение якобы объективных концепций познания, истины, реальности и науки под знаком «конструктивизма», и в особенности в его ницшевском варианте¹²⁴.

3. Понятие силы в физике больше не может считаться основным понятием динамики; и тем более это относится к понятию «психической силы», по аналогии позаимствованному психологией. Не приходится оспаривать, что в таких аффектах, как любовь, ревность и зависть, агрессия, ненависть и деструкция, количественные силы играют крайне важную роль; однако они едва ли могут быть разумным образом «измерены» и интегрированы в точное описание. Критическая дискуссия в рамках метапсихологии прежде всего поставила под сомнение психоаналитическое сравнение влечений с моделью парового котла мотивации и лежащим в ее основе конструктом психической силы или энергии.

4. На место метафор распределения энергии и гидравлики как пережитков классической механики пришли метафоры обрабатывающего информацию мозга. «В результате победного шествия метафоры компьютера человек стал пони-

¹²³ Ibid. S. 173. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. С. 579–580.

¹²⁴ В связи с критикой исторического понятия истины см.: Spence D. P. Die Sherlock-Holmes-Tradition: Die narrative Metapher // Buchholz M. B. (Hg.) Metaphernanalyse. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. S. 72–120; Mertens W., Haubl R. Der Psychoanalytiker als Archäologe. Stuttgart: Kohlhammer, 1996; Gödde G. Die Öffnung zur Denkwelt Nietzsches.

маться как система, непрерывно обрабатывающая огромные массы информации»¹²⁵.

5. Представления, связанные с энергией, Фрейд все чаще использовал лишь как *метафоры*, обеспечивающие «перенос» значений со знакомого предмета на незнакомый и своей наглядностью делающие возможными передачу научных идей и обмен ими. Он сам многократно подчеркивал, что в науке, ступая на неизведанную землю, нужно прибегать к определенным сравнениям и метафорам, даже если они «фантастичны, и в научном изложении совершенно недопустимы»¹²⁶. Леон Вурмзер выступал за использование метафор на всех уровнях построения психоаналитической теории: «Если психоанализ <...> – это форма символически связанных, значимых целостностей, образцов, нитей и последовательностей опыта, то наука анализа должна описывать и разрабатывать настолько развернутые „модели“, „рамки“, „мифы“ (метафоры), насколько это обеспечивает практическую пользу и теоретическую доказательность, связность и интеграцию»¹²⁷.

6. Примечательно, что Фрейд примерно до 1906 года

¹²⁵ *Mertens W. Psychoanalyse: Geschichte und Methoden. München: Beck, 1997. S. 79.*

¹²⁶ *Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt/M.: Fischer, 1999. Bd. 11. S. 306. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. С. 281.*

¹²⁷ *Wurmser L. Plädoyer für die Verwendung von Metaphern in der psychoanalytischen Theoriebildung // Psyche. 1983. Bd. 37. Jahrgang. № 8. S. 697.*

обращался прежде всего к образам из медицины и естественных наук, как, например, к модели рефлекторной дуги, принципу инерции, закону сохранения энергии, чтобы посредством этих метафор в научных формулировках описать новооткрытую область психоанализа. Затем он решительно отказался от этого ограничения, в чем можно усматривать его принципиальное новаторство¹²⁸. Примерно с 1906 года Фрейд стал пользоваться совершенно другими источниками образов, как, например, мифы об Эдипе и Нарциссе, с целью достижения резонанса, распространяющегося в том числе на культурную теорию и религиозную критику, – и обращение к этим новым источникам образности позволило психоанализу эмансипироваться от своих физиологических корней¹²⁹.

Перевод с немецкого Иннокентия Урупина

¹²⁸ См.: *Kitcher P.* Freud's Dream. A Complete Interdisciplinary Science of Mind. Cambridge; London: A Bradford Book; The MIT Press, 1992; *Buchholz M. B.* Metaphern der Kur. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2003.

¹²⁹ См.: *Buchholz M. B.; Gödde G.* Das Unbewusste und seine Metaphern // *Buchholz M. B., Gödde G. (Hg.)* Macht und Dynamik des Unbewussten. Das Unbewusste. Bd. I. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2005. S. 671–712.

Габриела Брандштеттер

Энергия и ритм, или Солнечное сплетение и диафрагма. Концепции соматической практики в танце

О чем мы думаем, когда представляем себе энергию танца, «танцевальную энергию»? Может быть, у нас перед глазами возникают мощные прыжки? Или упорное кружение танца дервишей? Или сексуальные движения бедрами в латиноамериканском танце? И какой пример тогда преподносит хореография Йефты ван Динтера – «kneeding»? Где иницируется движение? Какое качество присуще этим движениям? И как происходит синхронизация движений в самих телах и между телами танцующих?

Позднее я более подробно поговорю об этой хореографии, которая, кажется, имеет не много общего с часто преобладающим представлением о танце. Однако в то же время она определяется некоторой динамикой и ритмическими синхронизациями движений. Эти взаимосвязи и будут интересовать меня в дальнейшем.

Понимание «энергии» танца в концепциях с начала XX века (я ограничусь здесь этим периодом) коннотируется обычно с концепциями тела, движения и ритма.

Танцовщики, которые сегодня занимаются так называемыми

мыми «соматическими практиками»¹³⁰ в различных учебных заведениях, в рамках семинаров-мастерских или последипломного образования, работают в поле искусства и эстетики тела, пронизанном эклектикой сменяющихся концепций тренировок: возникают «эклектичные тела»¹³¹, а также формы движения и практики, отличающиеся как эклектизмом, так и холизмом. Таким образом, каждая из идей тела и его функций, внутренне агрегированная какой-либо соматической практикой, – как, например, метод Фельденкрайза, Body Mind Centering (интеграция тела-разума, ВМС), техника Кляйн, техника Александра, йога или тайчи (если ограничиться здесь лишь некоторыми из них и показать культурное многообразие), – мыслится как единство, то есть холистично и системно. В дополнение к этому для отбора методов характерно наложение друг на друга различных практик и техник, которые поначалу кажутся «несочетаемыми», например: балет, модерн, contemporary, йога, ВМС (часто практикуемые одновременно или поочередно).

¹³⁰ Ср.: *Hanna T. Somatics: Reawakening the Mind's Control of Movement, Flexibility and Health*. New York: Da Capo Press, 2004; а также: *Shusterman R. Body Consciousness: A Philosophy of Mindfulness and Somaesthetics*. New York: Cambridge University Press, 2008; кроме того, под полемическим углом на проблему смотрит: *Guinot I. From Shusterman's Somaesthetics to a Radical Epistemology of Somatics* // *Dance Research Journal*. 2010. № 42. P. 12–29.

¹³¹ См.: *Bales M., Nettle-Fiol R. (Eds) The Body Eclectic: Evolving Practices in Dance Training*. Urbana: University of Illinois Press, 2008.

Ил. 1. Кадр из видео «Kneeding» (2010) Йефты ван Динтера © Jefta van Dintther

Тренировки, организующие соматические практики не состоят – как раньше танцевальные классы – в том, чтобы ученики выстраивались в ряд напротив или позади учителя и перенимали, копировали движения/шаги/комбинации. Принципом усвоения оказывается не подражание, а исследование себя, которое чаще всего происходит с опорой на вербальные указания тренера: участники курса рассредоточены по всему помещению и исследуют – в зависимости от основной задачи занятия – свое тело и его способность двигаться и вступать во взаимодействия; ощущать, обращаться внутрь, прислушиваться к себе – важные факторы этой практики. Кроме того, эти практики предполагают *sharing*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.